

ВАДИМ ПАНОВ

ТЁМНЫЕ ЦЕРЕМОНИИ

ТАЙНЫЙ ГОРОД

Вадим Юрьевич Панов

Тёмные церемонии

Серия «Тайный Город»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66371214
Тёмные церемонии / Вадим Панов: Эксмо; Москва; 2021

Аннотация

Власть, которая казалась вечной, рухнула.

Жертвы неизбежны – новое всегда приходит с кровью. Новое всегда не такое, каким кажется. Особенно для тех, кто его ждал.

Они хотели перемен – а им стали указывать во что одеваться...

Они отказывались молчать – и стали пропадать из собственных домов...

Они затаились, но взрыв неизбежен. Быть свободным – все равно, что дышать.

Смогут ли молодые герои противостоять новой власти? Или проще смириться и покорно принять, что решения уже приняты? Признать их силу и свою слабость. Признать, что старый порядок ушёл навсегда.

Тайный Город становится другим, но не хочет меняться. А значит, кто-то... «Must Go!»

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	95
Конец ознакомительного фрагмента.	135

Вадим Панов

Темные церемонии

Пролог

Африканская ночь – настоящая.

Ещё из тех, первобытных, диких, не волнующая, а пугающая, с того мгновения, как мир потемнеет от первых сумерек. Ночь, в которой органично смотрятся и хищники, и ритуальные жертвоприношения. Ночь, в которую можно уйти и не вернуться.

На этой земле давно стоят большие города, проведены автострады, а девственные горы перепаханы рудными компаниями, над ней летают самолёты, а её обитатели предпочитают копьям и лукам автоматы и гранатомёты. Эту землю постепенно обволакивает большая цивилизация, но на ней ещё сохранилось множество мест, где всё осталось так, как тысячи лет назад. Где человек по-прежнему редкий гость, а ночь хранит столько тайн, сколько не снилось даже астрономам. Ночь, которая смешивает смыслы. Ночь, в которой охотник может в любое мгновение обратиться добычей.

Африканская ночь – настоящая.

В ней стараются вести себя тихо, незаметно, потому что малейший звук – дыхание или шорох травы – укажет на твоё

присутствие. Однако птицу, что прилетела на север пустыни Намиб, не заботил шум – для этого она была чересчур велика. Нет, она была огромна. Тьма скрывала облик птицы, но по звуку мощных крыльев можно было без труда понять, что она отличается колоссальными размерами. И, кажется, красотой: перья невероятного создания так причудливо переливались в призрачном свете звёзд, что сомнений в том не оставалось.

Огромная, красивая птица...

Она уселась на обломок скалы, некоторое время молчала, попеременно наклоняя голову то вправо, то влево, прислушиваясь к шорохам ночи и вглядываясь в тьму так, словно могла сквозь неё видеть, а затем запрокинула голову и издала тихий звук. Очень чистый. Очень нежный. Совершенно неожиданный для создания столь грандиозных размеров. В представлении всех гиганты должны отличаться грубыми голосами, но птица петь хотела на представления. Она запела. Запела, кажется, негромко, но так сильно, что её нежный голос разлетелся далеко-далеко, и все вокруг, все, кто услышал чарующее пение, оставили свои дела и, позабыв об осторожности, направились к скале. Антилопы, страусы, зебры, слоны, носороги, львы, гиены, шакалы... Большие и маленькие, хищники и добыча, все они шли к птице, словно им не достаточно было слышать её голос, но нужно было видеть, нужно было оказаться как можно ближе, нужно было встать рядом и не сводить с огромного создания глаз.

Создания, которое звери чтили. И которому готовы были отдать всё.

Птица опустила голову и внимательно их оглядела.

Странно, но пение не утихло, продолжило звучать, окутывая пришедших на заклатие тварей тяжёлым мороком. Голос не умолкал, и в этом был какой-то секрет. Но птица знала, что так будет, для неё это была естественная часть жизни. Голос не умолкал, а птица выбирала первую жертву. Остановила взгляд круглых глаз на антилопе, быстро наклонилась и ударила её клювом. Почуяла кровь, издала клокочущий звук и вцепилась в плоть по-настоящему, жадно утоляя тысячеклетный голод. Не доела – ударила львицу. Затем – зебру... Рвала зверей под нестерпимо нежное пение, а когда насытилась – взмахнула гигантскими крыльями и скрылась в темноте.

Не обратив никакого внимания на установленную неподалёку видеокамеру.

Птица не знала, что такое видеокамера.

Глава 1

«Фейк? Розыгрыш планетарного масштаба? Или мы действительно стали свидетелями необыкновенного события? Как объяснить случившееся? И можно ли его объяснить? Планету охватило недоумение...»

(«РБК»)

«И чем, простите за прямой вопрос, занимается так называемая Служба утилизации? На что уходят наши налоги? Почему так называемые специалисты с так называемыми предсказателями не сумели рассчитать очередное появление птицы Какнис и не предприняли никаких мер, чтобы скрыть её от любопытных челов? Служба утилизации позабыла, что на дворе XXI век и за каждым клочком земли наблюдает минимум десяток видеокамер?...»

(«Тиградком»)

«Сегодня ночью одна из систем видеонаблюдения международной базы данных eBird выдала в прямой эфир изображение гигантской, невероятных размеров птицы, которая разрывала на части и пожирала антилоп и львиц. Трансляция продолжалась около двух минут, затем прервалась, как считают конспирологи – по приказу правительства, однако запись успела разойтись по всему миру и вызвала бурное обсуждение

в социальных сетях...»

(«Известия»)

*** * ***

Некоммерческое общественное объединение по исследованию перспективных и прочих явлений

Москва, Петропавловский переулок

Это был самый обыкновенный, ничем не выделяющийся двухэтажный особнячок, простой и незатейливый – классический, московский, неприметный, – стоящий в самом обыкновенном переулке. И хотя переулок располагался на Солянке, в шаге от Кремля и Старой площади, то есть в районе дорогом и престижном, он не обзавёлся показушным лоском столичного центра, оставаясь ухоженным, но не щегольским, не привлекал внимания ни бедностью, ни богатством. Он просто был, и в ряду его домиков стоял неброский особнячок, окна которого всегда были тщательно зашторены, фасад не уродовали ящики кондиционеров, а слева от входной двери размещалась лаконичная медная табличка:

НКООИППЯ

Ужасное сочетание не разъяснялось даже мелким шрифтом, как это принято в делах обыкновенных, и прохожим

оставалось догадываться, что означает сей набор заглавных букв и почему хозяева не сочли нужным его расшифровать.

Металлическая дверь – простая, но надёжная, – открывалась исключительно изнутри и далеко не всем. Случайные посетители сначала долго звонили, дожидаясь неспешного ответа – если хватало терпения, а затем долго беседовали по домофону с охранником, подробно рассказывая о том, кто они и зачем явились. Чаще всего охраннику удавалось убедить посетителей, что они ошиблись и должны обязательно идти прочь, однако убеждал он столь виртуозно и вежливо, что через две-три минуты разговора незадачливые гости начинали искренне извиняться за причинённое беспокойство и откланивались. Охранник радовался и снова пропадал, в переулок возвращались тишина и покой.

Такое отношение к посетителям объяснялось просто: те, кого в особняке ждали, либо открывали дверь собственным ключом, либо въезжали во внутренний дворик через задние ворота, не привлекая внимания и не вызывая ненужного шума. Шум хозяева особняка не терпели, хотя сами его производили умело...

При необходимости.

– Животное! Какое глупое животное! – Стоящий на письменном столе Схинки дёрнул плечом – жест означал высшую степень раздражения – и выплюнул в мир короткое, весьма ёмкое ругательство. Не новое и грубое. – Тупое животное! Скотина! Тварь!

– Птица, – поправила собеседника сидящая в кресле Гранни. Негромко поправила и потому не была услышана.

– Скотина! – повторил орангутан, глядя на застывшую на мониторе Какнис – гигантскую, мощную и очень сильную птицу, клюв который мог перебить хребет слону, а лапы – разорвать носорога. Птицу жестокую, чей клюв был очень часто перепачкан кровью, и птицу красивую. Съёмка велась ночью, не самой качественной видеокамерой, и запись не позволяла оценить роскошь перьев огромной Какнис. Но Гранни доводилось видеть её изображение, и девушка знала, что птица переливается тысячами оттенков, формируя совершенно невероятный, завораживающий образ. Абсолютно соответствующий её чарующему голосу.

– Надо было додуматься устроить обжираловку перед видеокамерой и прославиться на всю планету! – Схинки пнул монитор, без радости проследил его путь на пол, поморщился, услышав грохот, и продолжил: – Я понимаю, что у этой овцы мозгов, как у курицы... хотя она, если вдуматься, и есть курица, только на анаболиках... Но попасться на такой ерунде – это надо уметь! Ведь даже куриных мозгов должно хватить, чтобы заметить, что за тобой следят!

– Какнис неразумна.

– Я и говорю – тупое животное!

– Птица.

Схинки резко повернулся и посмотрел Гранни в глаза:

– Что ты хочешь этим сказать?

– Только то, что сказала, – спокойно ответила девушка, улыбаясь разъярённому орангутану. – Уточнила, что Какнис – птица. Ничего более.

– Точно?

– Никакого подтекста, милый.

– Надеюсь. – Схинки выдал пару ужимок, почесал подбородок и ловко соскочил со стола в кресло.

Как все орангутаны, он был рыжим, а как все домашние орангутаны – наряжен в цветастую рубашку и шортики. Наряд мог показаться дешёвым, однако массивный швейцарский хронометр, украшающий левую лапу животного, мягко намекал, что недостатка в средствах Схинки не испытывает.

– Мне понравилось, что ты назвала меня милым, – произнёс орангутан, устроившись в глубоком кожаном кресле.

– Это всего лишь вежливое обращение, – ровным тоном отозвалась девушка.

– Милое обращение.

– Ничего не значащее.

– Уверена?

– Абсолютно.

– Рано или поздно ты сумеешь преодолеть вбитое в голову ощущение расового превосходства и научишься жить по современным правилам, – пообещал орангутан.

– По твоим правилам? – уточнила Гранни.

– К моему удовольствию, – уточнил Схинки.

– Никогда.

– Расистка.

– Прости, что не оправдала.

Орангутан хмыкнул и забросил на стол короткие нижние лапы.

Их диалог был шуточным наполовину – со стороны Гранни. Что же касается Схинки, его гигантское либидо подразумевало заигрывание со всеми привлекательными – с его точки зрения – объектами, с обязательным доведением заигрывания до логического конца. Способы доведения он применял самые разные, однако купить Гранни орангутан не мог, угрожать не имел права и потому ограничивался острыми диалогами. Со временем его намёки становились всё более и более откровенными, а тон – развязным, однако уволиться девушка не могла, ругаться не хотела и лишь огрызалась, стараясь отвечать уколom на укол.

– Если тебе и впрямь необходимо расслабиться, могу дать телефон одного интересного заведения...

– Телефоны я тебе сам могу дать, их у меня коллекция.

– Не сомневаюсь.

– Из всех стран мира.

– Верю на слово.

– Для любого гендерного статуса.

– Кем ты считаешь себя?

– Сейчас – твоим начальником. – Схинки резко перешёл на деловой тон, однако девушка знала его давно, привыкла к неожиданным переменам и без труда сохранила абсолют-

ное спокойствие.

– Я слушаю.

– Речь пойдёт о птице Какнис.

– Я догадалась.

– Как ты понимаешь, скандал купирован. Служба утилизации уже выбрала стратегию выхода из кризиса, если не ошибаюсь, они воспользовались одним из стандартных кейсов для таких случаев, и менеджеры гарантируют, что через два дня о нашей дуре будут помнить исключительно энтузиасты-конспирологи, вроде тех, которые до сих пор ищут на помойках летающие тарелки.

– Прекрасная новость, – кивнула Гранни, всё ещё не понимая, для чего Схинки вызвал её в офис.

– Прекрасная новость заключается в том, что птица Какнис объявилась, – продолжил орангутан, почёсывая мохнатое плечо – для этого ему пришлось расстегнуть и распахнуть цветастую рубашку, демонстрируя собеседнице живот. – Теперь мы точно знаем, что она не в спячке, и более того – нам известно её приблизительное местонахождение.

– Тебе нужна птица? – догадалась Гранни.

– Нам нужна птица, – ответил Схинки. – Нам.

– Могу я спросить зачем?

– Спросить – можешь.

– А узнать?

– Не сразу.

– Схинки? – Девушка удивлённо подняла брови.

Она занимала достаточно весомое положение и никогда не играла «втёмную». Да, Гранни не всегда владела полной информацией о происходящем, но, как правило, понимала, для чего прикладывает усилия, и нынешняя скрытность орангутана её несколько задела.

– Ты узнаешь, – пообещал Схинки.

– Обычно ты ничего от меня не скрываешь.

– Это относится только к нашим отношениям. – Он вновь вернулся к вальяжному тону. – Хочешь, покажу тебе кое-что?

– Отношений нет, – напомнила девушка.

– Пока нет.

– Схинки!

– Ладно, покажу потом, когда ты будешь готова, а расскажу – чуть позже. – Орангутан поднял вверх палец, показывая, что тема закрыта, выдал серию быстрых ужимок и закончил: – Мне нравится, как ты хмуришься.

– Куда мы отправляемся? – Гранни добавила в голос холода.

– На север пустыни Намиб, – пожал плечами Схинки. – Это же очевидно.

– Не люблю пустыни.

– В таком случае советую приложить все силы, чтобы поскорее из неё убраться.

– Зачем тебе я?

– Будешь развеивать мою скуку.

– Даже не мечтай.

– Странно, я был уверен, что ты осталась в восторге от того раза.

– Никакого «того раза» не было.

– Неужели?

– Ты выдаёшь желаемое за действительное.

– Я ничего не принимаю, красавица, и трезво смотрю на наш безумный мир. Поэтому моё желаемое часто становится действительным.

– Давно хотела спросить: ты способен держать под контролем своё либидо?

– Да. Но зачем?

Гранни вздохнула.

– И почему ты о нём заговорила?

– Потому что оно тобой управляет.

– Мы прекрасно уживаемся с моим либидо, – рассмеялся Схинки. – И если хочешь – можем составить тебе компанию на пару вечеров.

– Я могу идти?

– Возьми с собой четверых операторов с мощными «персами» – им придётся много работать и, возможно, драться. Я сбросил тебе файл со списком необходимого снаряжения. Собери всё, плюс операторы, «персы» и их снаряжение, и распредели по автомобилям. Птица Какнис засветилась вдали от аэропортов, придётся добираться по земле.

– Почему не сделать портал?

– Портал вызовет большой энергетический всплеск и точно напугает птицу. Она скроется, а я не хочу и не могу ждать, когда она объявится в следующий раз, – объяснил Схинки. – Так что едем по земле и до контакта с птицей магией пользуемся минимально, а лучше – вообще не пользуемся. Сформируй сбалансированную колонну и не забудь об охране... Зафрахтуй большой транспортный самолёт...

– Летим в Виндхук?

– Да. Но сначала – в Стамбул.

– На рынок?

– Почти. – Схинки заложил лапы за голову и усмехнулся: – В библиотеку.

* * *

Муниципальный жилой дом

Москва, улица Дмитрия Ульянова

– Марина, пожалуйста, скажи этим нелюдям то, что они хотят слышать.

Мама произнесла фразу очень спокойно. На изумление спокойно, учитывая обстоятельства. Впрочем, Бри не ожидала иного – мама всегда, сколько она её помнила, в любых обстоятельствах оставалась спокойной и никогда не повышала голоса.

– Марина?

А вот Бри подобной выдержкой похвастаться не могла

и потому ответила не сразу – боролась с волнением, изо всех сил стараясь заставить голос прозвучать твёрдо.

– Марина?

– Я...

– Слушай, что говорит мать, – грубо приказал он.

И случилось невероятное.

Он произнёс короткую фразу предельно жёстко, с отчётливой угрозой. Он хорошо знал, каким тоном следует произносить подобные фразы, научился задолго до того, как стал центуром Внутренней Агемы, он умел нагонять страх и сделал всё как надо, но... Случилось невероятное. Звук его голоса – не истеричный, не визгливо-крикливый, не надрывный, а жутко страшный – звук его голоса привёл девушку в чувство. Позволил собраться.

– Я... – Бри вскинула подбородок. – Чего вы от меня хотите?

– Ты знаешь чего! – продолжил напирать он, однако был остановлен.

– Подожди.

Второй центур уловил перемену в настроении девушки, почувствовал, что жертва пытается трепыхаться, как выброшенная на берег рыба, но ничего не сказал. Прищурился – едва заметно и едва заметно весело – и мягко спросил:

– Где твоя подружка?

К ней пришли центуры. Не рядовые факторы, нет, – старшие маги Внутренней Агемы, а значит, поиск Джисры

стал для них приоритетом. И без ответов они не уйдут.

– Отвечай на вопрос! – рявкнул первый.

– Пожалуйста, давайте сохранять спокойствие, – попросила мама.

– Где твоя подружка?

– О ком вы говорите?

– Мы ищем Джэриу, – повторил второй центур таким тоном, будто ещё не рассказывал о цели визита.

Он превосходно играл роль «добрého полицейского», но девушка понимала, что его напарник – «злой» – вступит в игру, как только сочтёт нужным. И «добрый» его останавливать не станет.

– Я говорила, что не знаю, где она и... – Бри передохла. – Мы не подруги.

– Не нужно лгать, Марина... – Голос второго центура стал очень-очень мягким. – Мы не идиоты и не случайно пришли именно к тебе. Вы с Джэриой плотно общаетесь в социальной сети, часто встречаетесь в компаниях, а в июне вместе ездили в Санкт-Петербург. Нам даже не нужно было ничего взламывать – мы просто посмотрели твой аккаунт.

И ничего не скажешь. Не соврёшь. Сама... всё сама... Сама рассказала о себе всё, без утайки. Без принуждения и попыток – абсолютно всё. Но разве думаешь об этом, когда радуешься жизни и тому, что твои истории интересны кому-то, кроме тебя? Когда делишься с миром скромными ра-

достяжи? Когда каждый лайк греет душу и кажется словом поддержки и одобрения? Разве думаешь об этом, когда все вокруг ведут себя точно так же – рассказывают о себе всё или чуть больше, чем всё? Ты рассказываешь и не думаешь, ни о чём не думаешь, и уж тем более не ожидаешь, что однажды твои короткие записи и яркие фотографии превратятся в приговор.

– Нам нужна Джюра, – бросил первый центур, вперившись в девушку взглядом. Почти гипнотическим, но именно почти – центур не использовал умения. То ли попросили не действовать жёстко, то ли не посчитал нужным. – Где она?!

Фраза прозвучала совсем резко – центур терял терпение, – но Бри не испугалась, скорее – разозлилась. Начала злиться, и второй поспешил успокоить девушку:

– Марина, ты не представляешь для Альянса никакого интереса.

– А Джюра? – вырвалось у Бри против воли.

– Джюра – боевой маг, – мягко напомнил центур. – Закон гласит, что она обязана зарегистрироваться и получить лицензию.

– Чей закон?

– Закон Альянса, Марина, а значит – один из законов Города. Быть боевым магом – большая ответственность, тем более – молодым боевым магом. Джюра девушка сильная, но при этом – импульсивная, мы не хотим, чтобы она

наломала дров и нарушила режим секретности.

– Или вы её боитесь.

Услышав эти слова, мама судорожно вздохнула, но сдержалась, промолчала.

– При всём уважении к твоей подруге, Джзира не обладает ни силой, ни опытом, чтобы представить для Альянса хоть какую-то угрозу. Мы просто не хотим, чтобы нарушился давным-давно установленный порядок. Нельзя привлекать внимание чело^вк к Тайному Городу.

Об этом Бри знала. С этим была согласна. Но её сильно смущало, что столь правильные слова произносят центуры Внутренней Аге^мы. И произносят их для того, чтобы отыскать Джзир^у.

– Марина?

– Я...

– Говори! – рявкнул первый центур.

Рявкнул так, что девушка вздрогнула, а мама, растеряв привычное хладнокровие, закричала:

– Она всё расскажет!

А «добрый полицейский» сделал шаг назад.

– Говори сейчас!

«Злой полицейский» сделал шаг вперёд.

– Не трогайте её!

Мама бросилась к Марине, но «добрый» перехватил её – мягко, почти нежно, а «злой» вцепился в руку Бри. Не крепко, но ужасно неприятно – рука у «злого» оказалась жгуче хо-

лодной, запястье девушки словно ледяное кольцо стиснуло.

– Говори сейчас!

– Не трогайте мою дочь!

Лютый холод сдавил руку, но не остановился – стал расползаться от запястья вверх, к плечу, нацеливаясь на шею. И глаза «злого» центура – совсем рядом... в дюймах... глаза злые, без кавычек злые, глаза требующие... Кажется, он всё-таки решил воспользоваться умением брать жертву под ментальный контроль.

– Где Джсира?

– Я не знаю!

– Говори сейчас!

Руку девушка не чувствует, плечо онемело, а холод уже рядом с шеей... совсем рядом... готовится лизнуть в сонную артерию – холод тянется к яростно горячей крови... холод ищет тепла... холод хочет...

И Бри не выдерживает.

– Мама! – кричит отчаянно, с надрывом. Едва появившаяся уверенность исчезает, растворяется в лютном холоде. – Мама!

– Марина! – Женищина рвётся к дочери, но «добрый» центур держит крепко. Мягко, но крепко. – Марина!

– Где Джсира?

– Мама!

– Марина!

«Добрый» центур тащит женищину в коридор, «злой»

орёт:

– Пусть смотрит!

Но «добрый» не соглашается:

– Не сходи с ума!

– Она должна ответить на вопрос!

– Мама!

Холод режет горло, и Бри заходится в кашле. И почему-то кажется, что кашляет она кровью. Заходится в кашле так, как заходила в крике – с надрывом. А «злой» орёт:

– Где Джсира?

И холод во всём теле.

– Мама... – едва шепчет девушка.

И понимает, что не слышит ответа. Тишина.

И понимает, что случилось страшное...

– Мама?

«Добрый» центур абсолютно растерян. Смотрит на обмякшую на его руках женщину и явно не понимает, что делать.

А женщине... А маме плохо.

Нет.

Не стало плохо, а не стало. Её не стало. Так бывает – вдруг. Настолько неожиданно и сразу сильно, что спасти ушедшую жизнь не успеет никто, даже лучший на планете врач, даже волшебник. А эти двое врачами не были. И они растерялись, растеряв последние, возможно, самые важ-

ные секунды. «Злой» усмехнулся, а «добрый», опомнившись, попытался запустить сердце матери армейским стимулятором, но «злой» качнул головой:

– Поздно.

И отпустил Бри.

– Мама! – Девушка бросилась к матери, которую «добрый» уложил на диван. – Мама!

– Проклятие! – «Добрый» мрачно посмотрел на напарника.

– Бывает, – пожал плечами тот.

– Мама! Мама!! Мама!!!

Бри громко рыдала, обнимая холодеющее тело, а они стояли рядом...

///

Они.

В снах центуры всегда были «ими» – безликими образами. Голосами и жестами, приведшими мать к смерти. Образами с невнятными отличиями: один – условно «добрый», другой – условно «злой», но оба – центуры, а значит – Зло. Одно из его воплощений.

Два его воплощения.

Бри прекрасно запомнила центуров – на всю жизнь, – но в снах никогда не видела их лиц – только мать. Зато маму – отчётливо, хотя во время допроса смотрела на неё редко,

а когда рыдала над телом – сквозь слёзы, с трудом понимая происходящее... сходя с ума от происходящего... теряя происходящее... Ничего не видя тогда, но отчётливо – в снах. Видела любимое лицо... закрытые глаза... видела, что нет жизни, и шептала:

– Прости меня...

Эти слова Бри всегда произносила наяву... ни разу – во сне. Рыдала над телом, потом отстранялась, продолжая держать холодную руку, и шептала: «Прости...» Но уже не во сне. И всегда – с открытыми глазами. Шептала, надеясь, что будет услышана, но не надеясь на прощение. Шептала, умоляя мать простить себя, но сама себя не прощала.

– Прости меня...

– Марина, ты что-то сказала? – Володя приподнялся на локте и вопросительно посмотрел на девушку. Сегодня Бри произнесла фразу громче обычного, и он услышал. Но не разобрал слов. – Что случилось?

– Всё хорошо, милый, – улыбнулась девушка. – Наверное, во сне.

– У тебя кошмар?

– С чего ты взял?

– Голос показался взволнованным.

– Показался.

– Правда?

– Правда, любимый.

Бри поцеловала Володю в щёку, поднялась, подошла к ок-

ну – не накинув футболку и даже трусиков, – откинула шторы и посмотрела на залитый солнечным светом двор. На яркое утро, ясное и светлое, резко контрастирующее с её настроением. С тем настроением, что овладевало ею каждое утро. Почти каждое утро, потому что почти каждую ночь ей снился этот сон – явь, навсегда ставшая кошмаром.

Смерть.

И снова – на мгновение! – лицо матери перед глазами. И едва слышный шёпот:

– Прости меня...

– С кем ты говоришь?

– Ни с кем. – Бри отошла от окна, натянула валявшуюся в кресле футболку, затем – трусики. Вновь улыбнулась Володе.

Делая вид, что всё в порядке.

Он заложил руки за голову и прищурился:

– Марина?

– На завтрак будем тосты...

Однако сменить тему не получилось.

– Марина, я знаю, сейчас у тебя трудное время и именно с этим связано... – Володя замялся. – Твоё настроение.

– Спасибо, что понимаешь, любимый.

– И я очень хочу тебе помочь.

Бри улыбнулась.

Теперь – почти искренне... Нет, она всегда улыбалась Володе искренне, речь о настроении: правильная улыбка спо-

собна скрыть ужасную тяжесть, и в последнее время девушка часто улыбалась другу правильной улыбкой, пряча под ней царящую внутри тьму. Но сейчас, глядя в его глаза, чувствуя его заботу и то, насколько ему важно вернуть её к нормальной жизни, Бри не могла не улыбнуться искренне. Володе. Доброму. Любящему. И ничего не знающему... Для Володи и всех её знакомых, обычных знакомых и обычных друзей, не допущенных в Тайный Город, смерть мамы произошла по естественным причинам – сердце, с кем не бывает? О Внутренней Агеме, Альянсе, Консуле и тому, что мать довели до приступа беспощадные центуры, они даже не догадывались. А Бри не собиралась их посвящать.

Не имела права.

Но иногда хотелось очень. Как теперь.

Потому что Володя поднялся, подошёл и нежно прикоснулся к руке девушки. Чуть выше локтя.

– Марина... давай уедем? – Прозвучало так естественно и заботливо, что Бри едва не задохнулась от счастья. И машинально спросила:

– Далеко?

– В Крым. Или в Питер. – Он улыбнулся и провёл по руке девушки пальцами. – Я летом неплохо заработал, ты ведь знаешь, так что можем смотаться. Только я и ты. Думаю, тебе необходимо слегка развеяться.

«Милый, милый...»

Больше всего на свете Бри хотелось согласиться с пред-

ложением Володи и махнуть: в Крым, Питер, Казань – куда угодно! Уехать, взяв с собой рюкзак с минимумом вещей, бросить его в отеле и гулять до одури, пока ноги не начнут отваливаться, просто бродить – где угодно, потом поесть, посидеть у воды, держа Володю за руку, вернуться в номер и не спать до рассвета... А потом – спать до обеда и снова гулять... И так – неделю. Целую счастливую неделю.

Разве можно вообразить что-нибудь прекраснее?

Нет.

Поэтому Бри едва не расплакалась во второй раз – ведь она должна была ответить совсем не так, как хотела.

– Вов, сейчас я никак не могу, не получается. Учебный год только начался, дел по горло, куда мы поедем?

– Тогда давай смотаемся на выходные? – немедленно предложил парень. – На следующие? В четверг сядем в «Сапсан» или ночной до Питера, пятница – суббота – воскресенье там, а обратно опять ночным. На одну только пятницу ты сможешь забить на институт?

Как ему отказать? То есть отказать придётся, но сейчас у девушки не было на это никаких сил.

– Я подумаю, – тихо произнесла Бри.

– Хорошо, я возьму билеты.

А может... может, так и нужно поступить? Забыть и забить на задуманное, плюнуть на планы, которые не факт, что осуществляются и абсолютно точно крайне рискованны, плюнуть на них и уехать? На выходные или неделю. Развеяться.

Позволить прошлому спокойно умереть и вернуться в Москву обновлённой... В Москву, а не в Тайный Город. Именно в Москву. Демонстративно показать всем, что уходит в принципиально иную жизнь, оставив лишь обыкновенных, не допущенных в Город друзей и знакомых, и... жить спокойно.

Бри была уверена – ей позволят.

Но не могла принять решение сразу.

– Можно я подумаю? – очень тихо спросила, глядя Володе в глаза.

– Конечно.

– И пожалуйста, не покупай пока билеты.

– Куплю, когда вернёмся из твоей глуши.

– Это не глушь, – запротестовала девушка, – а старый...

– Очень старый, насколько я помню, – перебил её Володя.

Обнял за талию и прижал к себе. Крепко прижал.

– Очень старый, – серьёзно подтвердила Бри, упираясь в грудь парня руками. – Дом построил ещё прадед или прапрадед... я в них путаюсь, точнее, не запомнила, когда папа рассказывал. Но точно знаю, что построил очень давно. Чуть ли не в восемнадцатом веке.

– Так давно? – изумился Володя.

– Ну да, – пожала плечами Бри. – Купил кусочек земли и построил домик. Подальше от всех. Для отдыха. Чтобы уезжать сюда и долго-долго никого не видеть.

– Желание понятное.

– Ага, – согласилась девушка.

– Но странно, что дом не отобрали.

– Кто? – не поняла Бри.

– Ну... эти... – Володя почесал затылок. – Революционеры, типа, в XX веке. Которые у всех всё отбирали.

– А, ты об этом...

– Да.

– У нас ничего не отобрали, – коротко ответила девушка, не желая вдаваться в подробности и уточнять, что жители Города видели достаточно смутных времён и научились преодолевать их с минимальными потерями. Или вообще без оных.

– Твой прадед был революционером?

– Он был врачом. У нас в семье все были врачами. – Девушка помолчала. – Так повелось.

– Хорошим?

– Да.

– Богатым?

– Не бедным.

– Тогда у него должны были всё отобрать, а его самого отправить в ГУЛАГ, – уверенно произнёс парень.

Несколько мгновений Бри задумчиво разглядывала Володю, пытаясь понять, понимает ли он, о чём сейчас бредит, а главное – насколько его слова уместны, затем решила, что Володя пытается её отвлечь, а не поразить скудными историческими познаниями, и повторила:

– У нас ничего не отняли.

– Повезло.

– Хорошие врачи нужны всем и всегда.

– Пожалуй.

Парень и сам понял, что разговор зашёл совсем не туда, прижал девушку чуть сильнее и крепко поцеловал в губы. И чуть расслабился, почувствовав ответ.

– Давай я всё-таки возьму билеты в Питер на следующий четверг?

– Давай я всё-таки подумаю? – с улыбкой – с настоящей улыбкой – прошептала в ответ Бри и спросила: – Ты отве- зёшь меня в глушь?

– Я ведь обещал.

– Ты мог передумать.

– Никогда.

– Спасибо.

Бри умела водить машину, но сейчас не испытывала ни- какого желания садиться за руль. А главное – не хотела ехать одна. Не потому что боялась, как раз наоборот, случись что, это она защитит Володю, а не наоборот, просто ей нужен был рядом верный, надёжный и, кажется, любящий человек. Просто рядом.

Чтобы не быть одной.

– Сколько туда ехать?

– Если без пробок – часа два.

– Сегодня пробок быть не должно.

– Да, – согласилась девушка. Снова поцеловала Володю

и попыталась отстраниться: – Сейчас приготовлю завтрак.

– У меня есть идея... – Парень удержал её и ласково провёл рукой по шее девушки. – Хочу кое-что успеть перед завтраком.

Бри улыбнулась.

* * *

*Муниципальный жилой дом
Москва, Лихов переулок*

– Ты кого-нибудь ждёшь?

– Нет, – тихо ответила Мара.

– Может, курьер?

– Нет.

Фахир поднял бровь, но Мара отрицательно качнула головой и так посмотрела на мужа, что едва появившееся желание спорить мгновенно испарилось.

Звонок повторился. Неприятный. Настырный. Такие звонки и в обычное время не доставляют радости, а в нынешние времена... да ещё под вечер... да ещё без предупреждения... Сейчас такие звонки вызывали самые неприятные ощущения.

Звонок повторился.

Фахир вздохнул, подошёл к двери и громко спросил:

– Кто там?

И услышал в ответ вежливое:

- Добрый вечер, – произнесённое приятным баритоном.
- Добрый... надеюсь.
- Меня зовут Дориан Машар.
- Гвардия великого магистра?
- Центур Внутренней Агемы.

Мара с трудом сдержала испуганный возглас. Сжала кулачки и прислонилась к стене, словно ища у неё поддержки, – визит высшего мага из новой службы безопасности мог заставить нервничать кого угодно.

– Чем я заинтересовал Агему? – почти спокойно поинтересовался Фахир.

– Вам лучше открыть, господин Кумар. Достаточно того, что я представился, стоя на площадке.

Фахир посмотрел на жену, едва заметно пожал плечами, объясняя, что выбора у него нет, подождал, пока она скроется в комнате, и медленно открыл дверь.

И приятно удивился тому, что центур явился без сопровождения.

Если, конечно, определение «приятно» в данном случае уместно.

Посторонился, пропуская Машара в квартиру, бросил: «Не разувайтесь», увидев, что центур не собирается снимать обувь, вслед за ним прошёл в гостиную и зачем-то указал на сидящих на диване женщин:

- Мара – моя супруга, Лиссет – моя дочь.
- Дориан Машар.

– Вы к нам по делу?

– Нет нужды волноваться.

– Я спрашивал о другом.

– А я просто прошу вас вести себя чуть спокойнее.

Показалось, что сдавившее гостиную напряжение можно резать на куски и продавать, что оно вот-вот придавит всех присутствующих – и Кумаров, и центура – или взорвётся визгливым скандалом, что визит закончится, не начавшись... Но Лиссет вдруг сказала:

– Вы – наш гость, центур, и мы даём слово, что выпустим вас живым и здоровым.

И вызвала сначала паузу – очень короткую, а затем – смех. Пусть короткий, зато разрядивший обстановку. Смех центура, потому что родители смотрели на дочь с ужасом.

– Поражаюсь вашему самообладанию, – склонил голову Машар.

– В Тёмном Дворе без него никуда, – парировала девушка.

– Я это запомню.

– Сделайте одолжение.

– И я ненадолго.

– Очень мило с вашей стороны.

– И чем скорее я перейду к делам, тем будет... спокойнее для всех.

– Даже для вас?

– Мне не доставляют удовольствия ваши взгляды.

– В этом вы должны винить не нас, а репутацию Внутрен-

ней Агемы, – проворчал Фахир. Почувствовал недовольство жены, но взгляда не отвёл.

Впрочем, Дориан не обиделся.

– Репутация Внутренней Агемы вызывает неприязнь только у преступников.

– Инакомыслие является преступлением? – мгновенно спросила девушка.

И получила мгновенный ответ:

– Во всех культурах, государствах и цивилизациях. Без исключений.

И чуть смутилась:

– Неужели?

– Попробуйте опровергнуть мои слова, – бесстрастно предложил Дориан и повернулся к Фахиру: – Я прошу не рассматривать мой визит как враждебный. И прошу прощения, что явился поздно – к сожалению, меня задержали неотложные дела.

– Могли бы явиться завтра, – заметила Мара, которой передан дерзкий настрой дочери.

– К сожалению, завтра дел не станет меньше.

– О чём вы хотели поговорить? – Фахир откашлялся. Он по-прежнему стоял, но теперь заметно расслабился. – Поймите меня правильно: я бы не хотел затягивать нашу встречу.

– Возможно, мой вопрос покажется странным, но поверьте: он много больше, чем вы услышите с первого раза.

– Я слушаю. – Фахир насторожился.

– Почему вы не покинули Город?

– Э-э... – Глава семейства растерянно посмотрел на жену, потом на дочь, потом вновь перевёл взгляд на центура. – Вы заявили ко мне поздно вечером, чтобы спросить об этом?

– Именно так, – подтвердил Дориан. – Почему после известных событий вы не покинули Тайный Город, несмотря на то что у вас была такая возможность?

– У всех была такая возможность.

– Не у всех, – мягко уточнил Машар. – Существует список лиц, которым запрещено покидать Город. Во всяком случае – без одобрения Внутренней Агемы. Вы в списке не значитесь. Но не уехали.

– Уехали все, кого нет в списке? – Фахир сумел справиться с удивлением и заговорил чуть более уверенно.

– Нет, конечно же.

– Вот и ответ на ваш вопрос. – Глава семейства рассчитывал отделаться короткой репликой, однако не получилось: центур поднял брови, показывая, что хотел бы услышать развёрнутый ответ, и Кумар нехотя продолжил: – Мы с женой не обладаем способностями к магии, а значит, не представляем угрозы для Альянса.

– Чтобы представлять угрозу для Альянса, нужно что-то собой представлять.

Фахир проглотил высокомерное замечание, сделав вид, что не услышал его. Жена и дочь последовали его примеру.

– Вы довольны своей работой? – неожиданно поинтересо-

вался Дориан.

И вновь сбил собеседника с толку.

– Вполне, – растерянно ответил глава семейства. И посмотрел на жену.

– Нет желания что-нибудь улучшить?

– Агема занялась поиском талантов? – подала голос Мара.

– В том числе, – не стал скрывать Машар. – В силу определённых обстоятельств Альянс испытывает временные трудности с квалифицированным персоналом в самых разных сферах. Мы можем предложить хорошую, весьма перспективную должность.

– Насколько перспективную?

– Учитывая наши нынешние сложности, тот, кто поддержит Альянс, получит и деньги, и блестящие карьерные перспективы. Тем более когда мы говорим о вас – весьма грамотном юристе, имеющем большие связи в человеческом обществе.

Эти слова Фахир оспаривать не собирался, поскольку умом и талантом заработал себе блестящую профессиональную репутацию. Его интересовало другое:

– А каковы перспективы самого Альянса?

– Вы в них не верите?

– Мы не знаем, во что верить, – улыбнулся Кумар. – Великие Дома казались незыблемыми.

– Но ведь когда-то и они переживали период становления, – напомнил Машар. – Всё на свете имеет начало, ува-

жаемый Фахир, всё было хрупким, прежде чем стать незыблемым. Подумайте над моим предложением.

– Обязательно.

– Уверен, вы примете правильное решение.

– Я постараюсь не ошибиться.

– Искренне на это рассчитываю. – Дориан помолчал. – Если не ошибаюсь, в отличие от вас ваша дочь обладает способностями к магии?

И вновь – неожиданная смена темы. Фахир сбился, Лиссет нахмурилась, и первой ответила побледневшая Мара:

– У нашей дочери есть магические способности, но не такие сильные, как нам всем хотелось... Когда-то.

– Когда-то? – поднял брови Машар.

– Лиссет далека от боевой магии, – вставил своё слово глава семейства.

– Да, я читал досье. – Центур пошевелил пальцами и вдруг посмотрел на девушку: – Ничего не изменилось?

Лисс очень хотелось сказать, что изменилось, что теперь она сожалеет о том, что боевая магия далека от неё так же, как Альфа Центавра, но промолчала. Хотела улыбнуться, но не получилось. Кивнула:

– Не изменилось, – и отвернулась.

– Вы закончили? – холодно спросил Кумар. Ему не понравилось, что Внутренняя Агема проявила интерес к его дочери, а самое печальное, он понимал, откуда интерес взялся: Альянс действительно испытывал кадровый голод и ста-

рался привлечь на свою сторону любых магов, даже молодых и неопытных. Даже слабых.

– Ещё пара вопросов, если вы не против.

– А если против? – дерзко спросила девушка.

– Значит, просто – пара вопросов.

Дориан чуть улыбнулся.

И Фахиру неожиданно показалось, что центур улыбнулся его дочери не высокомерно, как, наверное, должен был, демонстрируя отношение к юношеской горячности, а с большой симпатией. Как мужчина улыбается понравившейся женщине. Это было настолько неожиданное ощущение, что Кумар вздрогнул, нахмурился, вперившись в центура взглядом, несколько мгновений пристально рассматривал лицо Машара, но, поскольку центур сохранил абсолютное спокойствие, решил, что ошибся.

Впрочем, даже прояви Машар симпатию, никто бы не удивился – Лисс была хорошенькой. Не записной красавицей, но весьма привлекательной девушкой, обещающей превратиться – без всякой магии – в восхитительную женщину.

Невысокая, худенькая, обладающая совсем не женственной, мальчишеской фигурой, она могла показаться незаметной мышкой, остаться невидимкой в любой компании, но не казалась и не оказывалась – для этого у неё был слишком живой характер и весёлый нрав. Пылающий внутри Лисс огонёк притягивал окружающих, но не сжигал, а грел, одаривал дружеским теплом. Прямые чёрные волосы, чёрные гла-

за, узкое лицо – внешне Лисс удалась в маму, чему никогда не считавшийся красавцем папа был безмерно рад.

Лисс не могла не нравиться, однако Дориан смотрел на неё абсолютно равнодушно.

– Уважаемый Фахир, в том, что ваша дочь несколько более агрессивна ко мне, чем вы, нет ничего неожиданного. Молодость радикальна, склонна к импульсивным поступкам, вызванным желанием изменить всё и сразу.

– Меня вполне устраивало то, что было раньше! До Альянса.

– Лиссет!

– Как раньше не будет, – обронил центур.

Кумар судорожно вздохнул, ожидая, что дочь поддастся на провокацию, но девушка сумела остановиться. Пожала плечами, показав, что не уверена в словах сотрудника Внутренней Агемы, но промолчала.

Дориан подождал, вновь улыбнулся и продолжил:

– Признаться, я нахожу некоторую странность в том, что молодёжь не принимает новшества.

– Мы принимаем! Только не надо нам их навязывать!

– Лиссет! – теперь не выдержала Мара.

– Не забывай, с кем говоришь, – буркнул отец.

– Новшества широко открывают двери, о которых раньше нельзя было мечтать, – дружески произнёс Дориан. – Молодым это должно быть особенно интересно.

Девушка посмотрела на родителей, вздохнула, показав,

что успокоилась, и тихо ответила:

– Двери можно открыть всегда.

– Тоже верно, – кивнул центур. – А что твои друзья говорят об Альянсе?

– Предпочитают молчать.

– Почему?

– Навязанные новшества вызывают некоторые опасения.

– Лиссет, пожалуйста, – умоляюще прошептала Мара.

– Ваша дочь не говорит ничего нового, госпожа Кумар, – вздохнул Дориан. – Поверьте, мы прекрасно осведомлены о царящих в Тайном Городе настроениях, и если станем преследовать всех, кто с некоторым опасением воспринимает Альянс, то очень скоро окажемся в пустыне. Консул это прекрасно понимает, поэтому наша цель – найти точки соприкосновения и наладить сотрудничество со всеми жителями Города. Взаимовыгодное сотрудничество.

Кумары промолчали.

– Лисс, ещё один вопрос... – Машар улыбнулся. – Источник Тёмного Двора не заглушен, а значит, ты можешь колдовать.

– В отличие от тебя.

– Почему ты говоришь центуру «ты»? – удивился Фахир. Однако ответа не получил.

– Так вот, я прошу не забывать, что, если соберёшься использовать магическую энергию, ты обязана получить лицензию.

– Она у меня есть.

– Лицензию Альянса, – уточнил Машар. – Прежние потеряли силу.

– Я должна получить новую лицензию и докладывать, на что я трачу магическую энергию?

– Не обязательно, – качнул головой центур. – Но все действующие маги обязаны пройти перерегистрацию. Таковы правила.

– Они мне не нравятся.

– Правила не должны нравиться, они должны соблюдаться.

– Моя дочь не станет колдовать без лицензии Альянса, – твёрдо сказал Фахир. – Она понимает, чем это грозит всей семье.

И жёстко посмотрел на Лисс.

– Я понимаю, папа, – кивнула девушка. – Я тебя не подведу.

– Очень хорошо.

– И ещё один вопрос, на этот раз – действительно последний... – Центур выдержал паузу. – Вы носите одежду?

– Догадайтесь.

– Центур? – удивилась Мара.

– Госпожа Кумар, уверен, вы прекрасно понимаете, какую именно одежду я имею в виду, – мягко улыбнулся Дориан. – Лиссет, у вас есть одежда марки «MG»?

– Не знала, что Альянс запрещает торговые марки.

– Только нежелательные торговые марки, – уточнил Машар. И поднял брови, показывая, что ждёт ответа.

– Есть, – после короткой паузы призналась девушка. И посмотрела на вздрогнувшую мать: – Извини.

– Что у вас есть?

– Футболка. – Лисс тоже подняла брови. – Принести?

– Не обязательно. Наличие одежды марки «МГ» не является поводом для каких-либо санкций. Она просто нежелательна, и будет хорошо, если вы её уничтожите.

– Для кого хорошо?

– Здесь уже звучал ответ: для всей семьи.

– Лисс, пожалуйста.

– Всё в порядке, мама.

Лиссет ненадолго покинула гостиную и вернулась с чёрной футболкой в руках. Молча протянула её центру, а тот так же молча взял её. И не стал разворачивать.

– Это всё? – с вызовом поинтересовалась девушка.

– Не покупайте больше такую одежду. Возможно, официальное отношение к этой марке в скором времени изменится и её действительно запретят.

– Спасибо за предупреждение.

– Это мой долг.

– Неужели?

– Вопреки широко распространённому мнению, Внутренняя Агема призвана предупреждать противоправные действия, а не карать за них.

– То есть вы не караете? – прищурилась девушка.

– Караем, – спокойно ответил центур. – Но в первую очередь стараемся убедить жителей Города не нарушать новые правила. И подробно их объясняем.

– Я запомню ваши слова, центур.

– Надеюсь, Лисс. С вашего позволения, я заберу футболку с собой.

– Конечно.

– Я могу за неё заплатить.

Фахир удивлённо посмотрел на Дориана, однако, прежде чем отец потребовал от Внутренней Агемы компенсации, девушка щедро предложила:

– Будем считать, что я вам её подарила.

– Спасибо. – Машар покосился на родителей. – Господин Фахир, пожалуйста, подумайте над моими словами. Двери действительно широко открыты.

– Поверьте, центур, мы взвесим каждое услышанное слово.

– Надеюсь.

– Обещаю.

– До свидания, господин Кумар. – Дориан перевёл взгляд на женщин: – Дамы.

Дамы промолчали.

– Всего хорошего, – натянуто улыбнулся Фахир и закрыл за центуром дверь.

И почти сразу услышал:

– Как ты могла? – Мара хрустнула пальцами. – Лиссет, зачем?

– Что именно зачем, мама? – Девушка сделала вид, что не понимает возмущения родителей.

– Откуда у тебя футболка? – спросил Фахир.

– Купила специально.

– Специально? – Это слово родители произнесли хором и с абсолютно одинаковой интонацией.

– Конечно, специально, – пожала плечами Лисс. – Такие шмотки есть у всех моих сверстников, и Дориан ни за что бы не поверил, скажи я, что не ношу «MG». И наверняка устроил бы тут обыск.

– Зачем устраивать у нас обыск? – растерялся Кумар.

– Потому что может, – развела руками Лисс. – Папа, тебе нужен обыск в нашем доме?

– Нет.

– Поэтому я купила футболку «MG» и держала её в шкафу на такой вот случай.

– Умница, – поразмыслив, резюмировал Фахир. – Мара, у нас получилась замечательная девочка.

– Согласна, дорогой.

– Спасибо, папа. Спасибо, мама. – Лисс мило улыбнулась родителям и направилась в прихожую. – А теперь мне пора.

– Уходишь?

– Прогуляюсь, – ответила девушка, натягивая кроссовки. – Хочу выветрить из головы эту встречу.

– Не слишком ли поздно? – заволновалась Мара.

– К счастью, в Городе ещё не ввели комендантский час, – съязвила Лисс.

– Типун тебе на язык, – пробормотал Фахир. И привычно поинтересовался: – Деньги есть?

* * *

«Слово прозвучало: только что пресс-секретарь Внутренней Агемы официально обвинил Держену Ясную, известную под псевдонимом Джюра, в убийстве. Шутки закончились, теперь на Джюре кровь, и ей придётся ответить за свои преступления по всей строгости закона. Нам, безусловно, жаль, что молодая и талантливая ведьма так распорядилась своим будущим, но...»

(«Тиграджом»)

«Странное происшествие на севере Москвы! Что в действительности произошло и почему молчит полиция? Как уверяют жители Широкой улицы, в одной из квартир их дома были обнаружены трупы нескольких – точное число неизвестно – мужчин с явными признаками насильственной смерти. Дверь в квартиру была приоткрыта, соседи увидели тела и вызвали полицию. Однако вскоре на место происшествия прибыли сотрудники некой спецслужбы,

которые запретили полиции входить в квартиру...»
(«М24»)

* * *

Муниципальный жилой дом

Москва, улица Широкая

«Теперь я убийца...»

Неведомый журналист «Тиградком» абсолютно прав – слово произнесено. Слово прозвучало на весь Город, а что может быть важнее слова? Сильнее слова?

«Теперь я убийца...»

Кто-то из друзей поверит, кто-то – нет, но слово «убийца» отныне связано с её именем и пачкает её имя. Теперь на неё будут смотреть совсем другими глазами. Теперь её поступки будут оценивать, исходя из того, что на её руках кровь. Кровь, которую она не хотела и не желала, но кого это волнует? Кого теперь заинтересует, что она желала свободы и кровь стала платой за это неистовое и такое естественное желание. Пока – чужая кровь, но она всё поменяет, и преследователи, которые ещё вчера относились к молодой ведьме как к взбалмошной девчонке, упрямо не желающей подчиниться новым правилам, теперь увидят в ней хладнокровную убийцу. И будут атаковать жёстко, на поражение. Ей придётся по-настоящему защищать свою жизнь, а значит – убивать.

Снова.

У крови есть неприятная особенность: она не проливается однажды.

Но сейчас ничего не изменить: игра началась, и если хочешь выжить – нужно оставаться за столом. Джира это поняла и приняла. Сейчас она была спокойна и сосредоточена, немного расстроена – а кто бы не расстроился на её месте? – но держалась на удивление хладнокровно.

Сейчас...

А тогда, лёжа на полу, она не испытывала ничего, кроме растерянности и страха, готова была разрыдаться и всей собой ощущала приближение большой беды.

Руки стянуты за спиной, рот стянут липкой лентой, перед глазами – подошвы ботинок. Не грубых, элегантных, но немного старомодных – с пряжками. Рыжим рыцарям нравятся такие – с пряжками, напоминающими любимые кавалерийские сапоги. Перед глазами две пары ботинок, они разные, но обе – с пряжками, потому что взяли её рыцари. Правда, сейчас они были не столько рыцарями, сколько факторами – агентами Внутренней Агеми.

– Ты уверен, что это та самая ведьма? – Короткая схватка закончилась только что, однако голос спокойный, запыхаться фактор не успел.

– Абсолютно.

Однако первый не поверил твёрдому ответу, легонько ткнул пленницу в бок носком ботинка и осведомился:

– Скажи, красавица, ты правда та самая Держена? Из домена Измайлово?

И Джире захотелось крепко выругаться в ответ.

– У неё рот заклеен, – напомнил второй.

– А... точно.

– Всегда восхищался твоей внимательностью.

– И правильно делал. Напомнить, кто у кого списывал?

– Напомнить, что это ты заклеил ведьме рот?

– Сейчас я просто отвлёкся.

– На что?

– На то, что она симпатичная, – ответил первый, и Джире похолодела.

«Только этого не хватало!»

– Ты серьёзно? – изумился второй.

– Вполне.

– Как ты можешь об этом думать?

– Я всегда об этом думаю, когда вижу красивую женщину, – медленно ответил первый. – Таким уродился.

«Уродился от слова «урод»...»

– Она – наша пленница.

– И по закону войны мы можем делать с ней всё что угодно.

– Ты идиот?

– Здесь только ты, я и она, – после короткой паузы про-

должил первый.

– Я позвоню центру и доложу, что птичка в клетке.

– Не надо. – Первый шагнул к напарнику и положил руку на экран смартфона. – Ещё раз: здесь только ты, я и она. Причём она – преступница в бегах. И если мы скажем, что убили её во время захвата, никто не станет проверять. Погоди звонить, я сказал!

– Роб, опомнись!

Однако второй видел, что идея изнасиловать симпатичную пленницу до крайности возбудила напарника. Изнасиловать и, возможно, убить, чтобы скрыть преступление. Причём неизвестно, чего ему хотелось больше: изнасиловать или убить – Роберт всего три месяца назад стал рыцарем-узурпатором, обретенная мощь туманила голову, требуя острых, яростных эмоций, и у молодого воина не всегда хватало сил держать себя в узде.

– Сам посмотри. – Первый присел на корточки и провёл рукой по светлым волосам пленницы. – Настоящая зелёная красавица. Эталонная.

Девушка и впрямь привлекала внимание, причём даже сейчас – связанная, избитая, яростно сверкающая зелёными глазами. И, возможно, именно сочетание красоты и злой резкости возбудило Роберта настолько, что он задумался о насилии. Узурпаторы, особенно молодые, очень остро реагируют на эмоции, а их у Джиры было хоть отбавляй.

– Нам сказали её не трогать, – напомнил второй.

Напомнил растерянно, поскольку абсолютно не представлял, что нужно делать: не лезть же в драку с лучшим другом, который к тому же сильный маг? Но и убивать девчонку, вся вина которой заключалась в нежелании получать лицензию Внутренней Агемы, второй фактор не хотел. И уж тем более – насиловать беззащитную пленницу.

– Нам не говорили её не трогать, – чуть злее продолжил узурпатор. – Нас отправили в засаду на случай, если сучка сюда явится. Она явилась, и она – опасный преступник, боевой маг, отказывающийся встать на учёт. Я это рассказываю на тот случай, если ты вдруг позабыл.

– Я помню...

– Вот и хорошо, что помнишь. А я всегда мечтал попробовать опасную зелёную дрянь. – Роберт медленно расстегнул ремень.

Второй отвернулся. Его ботинки отдалились от лица Джирры на пару шагов.

Девушка застонала.

От злости.

От злости на себя. От того, что на мгновение, всего на мгновение расслабилась – и тут же угодила в примитивную ловушку. Знала ведь, что нужно тщательно проверить квартиру, в которой ночевала неделю назад. Знала, но не проверила, задумалась по дороге, в подъезде вспомнила, но махнула рукой, решив, что неделя вполне достаточный срок, чтобы следы пребывания выветрились и её перестали здесь ждать.

Стоя на площадке, небрежно просканировала комнаты, никого не увидела. А когда вошла – началась драка.

Ну, как драка...

В квартире Джигу поджидали знающие своё дело профессионалы. Почувствовали её приближение, умело закрылись от магического сканирования, а когда девушка вошла – мгновенно набросили на неё «рыбацкую сеть», намертво заблокировав магическую энергию – ни ударить, ни сбежать, – сдавили руки, не позволяя выхватить артефакты, запечатали рот – уже на всякий случай. Джигу без боя не сдалась, ухитрилась освободить руку, ударить, разбив кому-то из факторов губу, но на этом сопротивление завершилось: в простой рукопашной схватке против двух крепких мужчин без магии никак. А разбитая губа лишь разозлила первого, который не отказал себе в удовольствии жестоко избить ведьму, но не удовлетворился и решил продолжить издевательства.

Но Джигу не жалела, что ответила. И с удовольствием ударила бы снова.

Не жалела даже сейчас, увидев, как первый наклоняется к ней.

– Почему женщинам нравятся узкие джинсы?

– Подчёркивают ножки, – с деланным равнодушием ответил второй.

– Снимать неудобно.

– Удобно... когда женщина не против.

– Заткнись! – С джинсами получалось плохо, что приво-

дило возбуждённого узурпатора в неистовство. – Идиотские штаны!

– Тихо! – подал голос второй.

– Что?

– Кто-то идёт.

– Сюда?

Пара мгновений тишины, видимо, второй просчитывал вероятности, после чего последовал ответ:

– Да. Сейчас к нам явятся.

В дверь позвонили.

– Кто там?

– Кажется, сосед, – неуверенно протянул второй, сканируя стоящего на площадке посетителя.

– Почему кажется? – В обычном случае магическое сканирование осечек не давало.

– Вроде сосед, но отклик немного странный... – Второй направился в прихожую. – Сейчас проверю.

– Отведи ему глаза, и пусть проваливает, – распорядился Роберт.

– Ты приготовься на всякий случай.

– Ладно. – Узурпатор с видимым сожалением перестал стягивать с Джиры джинсы. – Перетащу её на кровать.

– Верни джинсы на место – вдруг это проверка, – бросил второй.

– Тогда они просто к нам присоединятся.

– Не будь дураком! Среди центуров есть зелёные ведьмы.

– Ладно, ладно...

Звонок повторился. На этот раз он получился длинным и требовательным. Соседи так редко звонят, разве что чем-то разозлённые соседи.

– Кто там? – негромко спросил второй, продолжая сканировать посетителя. И не чувствуя исходящей от него угрозы.

– А кто здесь? – грубовато ответили из-за двери.

– Какая тебе разница, кто здесь?

– Это моя квартира, и мне интересно, почему я не знаю, кто в ней находится?

Ответ получился, мягко говоря, неожиданным.

– Твоя квартира? – растерялся второй.

– Дверь открой, пока я её не выломал.

– Кто ты такой?

– Дверь открой – увидишь.

Поскольку чувства опасности так и не возникло, фактор принял решение подчиниться, а распахнув дверь, коротко выругался:

– Хван!

– Можешь называть меня Тыц, – хмыкнул в ответ четырёхрукий.

И сделал шаг вперёд.

– Меня зовут... – Второй хотел встать на пути незваного гостя, но не преуспел: хван двигался слишком быстро. И вёл себя слишком нагло.

– Плевать, как тебя зовут. – Он прошёл совсем рядом

с обескураженным фактором, но не коснулся его. – Что здесь происходит?

Формально четырёхрукие считались вассалами Ордена, однако главным бизнесом этой небольшой, но весьма сплочённой семьи были заказные убийства, в которых они преуспели необычайно. Это обстоятельство и тот факт, что Тыц, как вспомнил второй, занимал весомое положение в запутанной иерархии хванов, заставляли фактора вести себя с визитёром осторожно.

– Это твоя квартира?

– Семьи, – через плечо бросил четырёхрукий, уверенно двигаясь к гостиной. – Я за ней приглядываю.

– Плохо приглядываешь.

– А что не так?

– В твоей квартире скрывался опасный преступник.

– Ты, что ли?

– Не смешно. – Второму надоело дерзкое поведение Тыца, и он добавил в голос металл: – Внутренняя Агема.

Однако особенного впечатления не произвёл.

– Я догадался.

Смутить плотного убийцу не было никакой возможности.

– Здесь проводится расследование.

– Ага.

В гостиной никого не оказалось – Роберт всё-таки перенёс девушку в спальню, и хван вошёл в неё в то самое мгновение, когда узурпатор застёгивал на пленнице ремень. Вошёл,

остановился в дверях и скривился:

– Что вы с ней расследовали, Агема? – Голос прозвучал презрительно.

– Не твоё дело, – грубо ответил Роберт.

– Это моя квартира.

– И тебе придётся объяснить, как в ней оказалась зелёная ведьма.

– Я нравлюсь женщинам, – пожал плечами Тыц. – Но мне не приходится их избивать и связывать, чтобы получить желаемое.

– Что ты сказал?

– То, что ты услышал. – Хван прошёл в спальню и остановился, внимательно разглядывая Джиру. И оказался меж двух противников: лицом к узурпатору и спиной ко второму. Но не было похоже, чтобы это его беспокоило. И враждебности факторы по-прежнему не чувствовали.

– Никто ни на кого не орёт, – громко произнёс второй, стараясь погасить назревающий скандал. – Никто никого ни в чём не обвиняет.

– Это не просто зелёная ведьма. – Роберт кивнул на девушку. – Её разыскивает Агема. И тебе, Тыц, придётся объяснить, что она делала в твоей квартире.

– А если я не захочу?

– Тогда мы тебя заставим.

Лишившийся «развлечения» узурпатор напрочь позабыл о вежливости, чем свёл на нет дипломатические усилия на-

парника. Второй вздохнул и в последний раз попытался сгладить острые углы:

– Видишь ли, в чём дело...

– Видишь ли, в чём дело, – перебил его хван. – В действительности моё желание никому ничего не объяснять очень легко исполнить: достаточно, чтобы никто не узнал, что я здесь был, и меня никто ни о чём не будет спрашивать.

– Хочешь предложить нам взятку? – изумился второй.

– Даже в мыслях не было.

И прежде чем факторы сообразили, что имеет в виду Тыц, четырёхрукий нанёс первый удар. Стремительный и не единственный.

Хваны быстры, в скорости они на равных соперничают с навами и масанами, и уж если хван решил тебя убить – он тебя убьёт. А самое неприятное заключалось в том, что хваны абсолютно равнодушны к жертвам, не испытывают ни жалости, ни злости, убивают без всяких эмоций, и именно поэтому факторы не сумели понять, что будут атакованы. На ловки четырёхруких попадались и командоры войны, и жирицы, и, случалось, тёмные, поэтому убийство двух факторов, которые не сумели разглядеть приготовленные клинки, не стало для Тыца сколь-нибудь серьёзной задачей.

Первый удар – узурпатору. Острый чёрный клинок режет фактору шею слева направо, а второй клинок наносит точно такую же рану, но дюймою ниже. Два удара сливаются в один, и оба – смертельные. Роберт замирает, не осознав

происходящего, не понимая, как он смог так быстро превратиться в жертву. Роберт подносит к ранам руки в глупой, но естественной попытке зажать их, чтобы остановить хлещущую кровь. Но прежде чем руки узурпатора достигают шеи, Тыц убивает его напарника. Первый клинок вонзается в сердце, второй – в шею. С ним хван не церемонится – толкает в грудь, а когда фактор оказывается на полу, присаживается на корточки и неспешно вытирает оба клинка – по очереди – об одежду мертвеца. И не смотрит на всё ещё стоящего Роберта. И даже не морщится, когда узурпатор с грохотом валится на пол.

– Как ты здесь оказалась, идиотка?

В ответ – тишина.

– Я знаю, что они заклеили тебе рот, иначе бы ты уже орала, а не освобождаю, чтобы чуть-чуть посидеть в тишине. – Тыц придирчиво осмотрел клинки и убрал их в спрятанные под пиджаком ножны. – Тебе крупно повезло, что мой «жучок» тебя опознал и вовремя доложил, что ты притащилась в «засвеченную» квартиру. И второй раз повезло, что я оказался поблизости.

Хван поднялся, подошёл к девушке и освободил от пут. Скотч с лица Джера сорвала сама.

– Спасибо.

– Дура.

– Я знаю. – Ведьма выдержала короткую паузу. – Прости.

– Нужно сделать так, чтобы о моём участии никто не

узнал, – спокойно продолжил четырёхрукий, глядя Джире в глаза. – Не хочу портить репутацию. Всё-таки я вассал Ордена.

– Я тебя понимаю.

– Ещё бы. – Тыц убил не просто факторов Внутренней Агемы – он убил двух рыцарей, не сомневался, что родственники сделают всё, чтобы отыскать убийцу, и не хотел с ними разбираться. – Ты возьмёшь на себя их кровь.

– Будем считать, что убийца – я, – твёрдо сказала ведьма. Такой была плата за свободу.

– Тебе есть куда пойти?

– Да.

– Тогда уходи.

– Оставь здесь это. – Джире сняла одно из колец и протянула хвану.

Теперь она ничего не должна Тыцу.

– Договорились, – кивнул хван. – Удачи.

* * *

*Муниципальный жилой дом
Москва, улица Плющиха*

Отыскать эту маленькую аптеку, скромно затерявшуюся в сплетении кривых московских переулков, было не то чтобы непросто... Скорее, ненужно. Москвичи привыкли к заведениям больших сетей, которых появилось так много, что

они и в самом деле оказались в шаговой доступности: выйди из подъезда – и наткнёшься на зелёный крест; привыкли к провизорам в белых халатах и стеклянным витринам, в которых яркими пятнами расставлены упаковки таблеток со странными названиями; привыкли, что им с равной вероятностью могут предложить и дорогие оригиналы, и дорогие подделки, и дешёвые дженерики. Москвичи знают, что, под какой бы зелёный крест они ни зашли, они найдут абсолютно одинаковый набор абсолютно одинакового товара, способного снять боль или «устранить симптомы», и не видят принципиальной разницы в названиях аптек. И проходят мимо едва заметной витрины со скромной вывеской: «Рецептурный отдел» – именно так называлась небольшая, не имеющая рекламной известности сеть столичных аптек, предназначенная только для тех, кому нужны особые лекарства. Разумеется, обычные москвичи в «Рецептурные отделы» тоже заходили, расспрашивали о каких-нибудь редкостях, справедливо полагая, что уж здесь-то они обязательно отыщутся, разглядывали разноцветные пилюли и порошки, которые аптекари смешивали на тончайших весах, удивлялись, что так до сих пор работают, но покупать предпочитали привычные препараты, расфасованные на фабриках и «снимающие симптомы». Аптекари из «Рецептурного отдела» такому выбору не удивлялись, на расспросы о своей работе отвечали охотно, однако самодельные лекарства предпочитали продавать только жителям Тайного Города.

И чаще всего – тем, с кем были знакомы лично.

– Лисс, рад тебя видеть!

– Добрый вечер, брат Шитус.

– Добрый вечер, красавица, соскучилась по пилюлям?

Это была его традиционная «встречающая» шутка, на которую девушка давно придумала собственный ответ:

– По порошкам.

– Осторожнее с ними.

– Я стараюсь. – Лисс улыбнулась и облокотилась на прилавок. – Как дела?

– Ты сейчас о чём? – Аптекарь был высок и худ, стар, но не слишком, всего-то разменял восьмой десяток, что по эрлийским меркам считалось возрастом расцвета, и всегда пребывал в абсолютном спокойствии.

– Только о бизнесе, брат Шитус, только о нём, – негромко ответила девушка, продолжая улыбаться. – Ни о чём больше.

– И правильно. – Аптекарь помолчал. – Бизнес хорошо: «Рецептурный отдел» получил лицензию Альянса, так что работаем в обычном режиме.

– Лекарства нужны всем и всегда, – кивнула Лисс.

– Именно, – подтвердил брат Шитус. – Тебе, например...

– Отец попросил несильное снотворное, не хочет «пыльцу Морфея».

– И правильно не хочет, – одобрил аптекарь. – Магию имеет смысл применять дозированно, только когда перепробованы все остальные способы. Я сделаю твоему папе прекрас-

ную смесь дремотных трав спокойствия с добавлением карамелизированных листьев забвения...

– С забвением осторожнее, – хмыкнула Лисс.

– Не волнуйся, каждая доза рассчитана на восемь часов здорового сна. Недельного комплекса будет достаточно?

– Вполне.

– Пять минут.

Брат Шитус отошёл к рабочему столу, достал нужные порошки, принялся споро их смешивать, но болтать не перестал. Владелец и провизор этого филиала «Рецептурного отдела» был эрлийцем, представителем небольшого народа изумительных лекарей и столь же изумительных зануд. Все знали, что эрлийцы способны вылечить любую болезнь, но тем, кто ложился в их госпиталь, рекомендовали носить беруши – чтобы не свихнуться от их бесконечной болтовни.

– С помощью магии можно добиться очень многого – сейчас я говорю о медицине, конечно. Но, вопреки широко распространённому мнению, далеко не всегда магическое воздействие, даже такое профессиональное, которое оказываемы, способно вылечить пациента. Организм – сейчас я говорю о всех живых существах – устроен с необычайной тонкостью, и если в нём что-то отказало, приводить его в порядок следует деликатно, с оглядкой на соседние органы. Магия хороша, когда требуется один стремительный удар по очагу болезни, однако от многих недугов следует избавляться постепенно, применяя медленно действующие препараты

и при этом – желательно – оказывающие благотворное влияние на другие органы. А если вернуться к теме снотворного – сейчас я говорю о препарате для твоего уважаемого отца, то нет ничего лучше натуральных трав. «Пыльца Морфея» хороша для быстрого погружения в сон, но по воздействию её можно сравнить с нокаутующим ударом. А моя смесь – мягкая, она не только поможет заснуть, но успокоит нервы, расслабит мышцы, приведёт в порядок чувства. В отличие от магии... которая может оказаться под запретом в любую секунду.

– Магия не под запретом, – тихо сказала девушка.

– Пока.

– Вряд ли её запретят. Город – это магия. Она – наша суть.

– Запомни эти слова, – не оборачиваясь, предложил брат

Шитус.

– Какие?

– О том, что магия – наша суть. Запомни и как следует обдумай.

– Почему?

– Потому что, если ты хочешь кого-то подчинить – лиши его сути. Растерзай то, что ему дорого, на чём основано его мировоззрение: облей грязью его предков, вымажи в дёгте его историю, заставь оправдываться, извиняться и чувствовать стыд. Отбирая суть, ты лишаешь его будущего, лишаешь возможности подняться.

– А магия – наша суть, – тихо произнесла Лисс.

– Именно. – Аптекарь повернулся и выложил на прилавок семь аккуратно сложенных бумажных пакетиков. Но спросил о другом: – Когда ты в последний раз колдовала?

– Мне сейчас это не нужно.

– Не нужно или не хочешь связываться?

– И то, и другое, – подумав, ответила девушка. – Я не очень сильный маг, брат Шитус, вы знаете, поэтому решила идти по стопам родителей.

– Раньше ты иногда колдовала – для себя.

– Даже юристы играют на рояле.

– А теперь тебе проще от этого отказаться.

Лисс медленно убрала пакетики в сумочку, поднесла телефон к терминалу, оплатив покупку, помолчала и совсем тихо произнесла:

– Отец думает, что Альянс долго не протянет.

– Он об этом говорит?

– Иногда оговаривается.

– Скажи ему, чтобы оговаривался реже, – посоветовал аптекарь. – Сейчас, пока власть не установлена прочно, Консула устраивают лишь две линии поведения: или ты его поддерживаешь, или молчишь. Можешь выступить или оговориться, но один раз – не более, поскольку Консул прекрасно понимает наши настроения. Но если начнёшь оговариваться часто – тебе обязательно прилетит.

– Зачем? – удивилась Лисс, отметив про себя, что либо брат Шитус неплохо разобрался в происходящем, либо его

навестили факторы Внутренней Агемы. – Неужели Консул боится слов? Он ведь силён.

– Он силён, – согласился аптекарь. – Но для чего нужна сила?

– Сила просто есть.

– Всё на свете – есть, – назидательно сказал брат Шитус. – Но сейчас я говорю о том, для чего есть это самое всё или, как в нашем случае, – сила?

– Чтобы получить желаемое?

– В том числе. Но не следует забывать, что силу нужно применять с умом и очень дозированно – как магию в медицине, потому что есть опасность передавить – и получить жёсткий отпор. Грамотные правители давят беспощадно – если решили давить, но при этом – аккуратно, а Консул – очень грамотный правитель. Он хочет не согнуть нас, а изменить наше восприятие.

– Разве это возможно?

– Возможно всё. – Брат Шитус тихонько засмеялся. – Странно, что я должен напоминать эту аксиому той, кто знает о реальности магии.

– Мы говорим не о магии.

– Мы говорим о том, что возможно всё. Консул хочет изменить мировоззрение жителей Тайного Города, сделать так, чтобы его власть воспринималась абсолютно естественно, как обязательная часть бытия.

– Как долго? – вырвалось у Лиссет.

– Вечно, – пожал плечами аптекарь. – Или пока Консул жив. Не уверен, что это одно и то же.

– Не хочу.

– А он постарается сделать так, чтобы ты захотела. Как минимум – чтобы тебе стало безразлично. Сначала Внутренняя Агема будет тщательно следить за тем, чтобы недовольство исчезло из повседневных разговоров. И не просто недовольство, но даже намёки на него. Дома, на кухне, с тем, кому полностью доверяешь, можешь обсуждать что угодно, а вот публично должен молчать или выражать поддержку.

– Но зачем?

– Затем, что из пространства исчезнет ненужное Консулу Слово. А это очень важно, поверь. Нет слова – нет мысли, если о чём-то не говорят – этого не существует.

– Глупо, – не согласилась девушка. – Он просто загонит недовольство вглубь и однажды...

– «Однажды», которое ты имеешь в виду, произойдёт лишь в том случае, если остановиться. Если позволить поданным жить в двоемыслии, внутренне потешаясь над официальной позицией. Но Консул слишком умен и не допустит подобную ошибку. Очистив от нежелательного Слова большое пространство, он займётся малым, и недовольство исчезнет даже из внутрисемейных разговоров. Не сразу, но исчезнет. Одновременно будет вестись работа с подрастающим поколением, которому будут очень активно, но не в лоб, а исподволь, пропагандировать существующий поряд-

док. Это долгая работа, но если делать её системно, то через десять-двадцать лет неправильные Слова исчезнут и перестанут влиять на умы. А может, и раньше.

– Молодёжь недовольна, – напомнила девушка.

– Молодёжь остаётся молодёжью лишь какое-то время, – напомнил аптекарь. – Ты можешь мне не верить, но оглянуться не успеешь, как следующее поколение назовёт тебя старухой.

– Бумером.

– Ага.

– И следующее поколение будет поддерживать Консула?

– Это более чем возможно, – вздохнул брат Шитус. – У Консула необычайно большой, стратегический горизонт планирования. Он смотрит на десятки и сотни лет вперёд и знает, что нужно делать.

– Что нужно делать? – машинально спросила Лисс.

Ответа не последовало. Точнее, он прозвучал, но совсем другой.

– Советовать в таких делах тяжело. – Аптекарь помолчал. – Но я абсолютно точно знаю, чего делать не нужно.

– Глупости, – грустно усмехнулась девушка.

– Глупости, – подтвердил брат Шитус. – Ты – очень храбрая девочка, Лисс, но я бы не советовал тебе играть в эти игры. Не пытайся стать героем.

– Почему вы решили, что я хочу стать героем?

– Увидел в твоих глазах.

И не поспоришь... Брат Шитус знал девушку с рождения и превосходно читал её настроение и чувства.

– Я ещё ничего не решила, – едва слышно сказала Лисс.

– Внутренняя Агема будет терпеть лишь до определённого предела, – повторил свою мысль аптекарь. – Если ты слишком увлечёшься выражением недовольства или прямо выступишь против Альянса – тебя жёстко остановят. И происхождение не поможет.

– Скорее, навредит – к тёмным в Альянсе относятся недружелюбно.

– Хорошо, что ты это понимаешь.

Лиссет кивнула, выпрямилась, наконец-то перестав облокачиваться на прилавок, собралась прощаться, но прежде решила задать ещё один вопрос:

– Вы предлагаете подождать?

– Я бы посоветовал оставить войну тем, кто умеет воевать.

– А если они не справятся?

На это брат Шитус молча развёл руками.

И девушка понимающе вздохнула. Лисс не была согласна с аптекарем, но не собиралась его осуждать или обвинять в трусости: эрлийцы принципиально не воевали и не брали в руки оружие. Впрочем, так же как и родной народ Лисс – шасы. До недавнего времени их небольшие семьи прекрасно себя чувствовали за широкой спиной бесстрашных и беспощадных владык Тёмного Двора, но сейчас... Всё стало по-другому. Тёмный Двор в Цитадели – то ли заперся, то ли по-

пал в осаду. Два других Великих Дома образовали Альянс, Город менялся на глазах, и Лисс воспринимала происходящее как личную трагедию. Мир, к которому она привыкла, который считала своим, рушился на глазах, формируя контуры принципиально иного будущего...

Которое ей совсем не нравилось.

– Шаса?

«Проклятие!»

Ещё одна примета нового порядка – патрули. Их было немного, в основном они выходили на улицы по ночам, и пропаганда утверждала, что они нужны для обеспечения безопасности жителей Города. Однако встреча с ними не сулила ничего хорошего. Самой Лисс ещё не доводилось с ними сталкиваться, но друзья рассказывали, что патрульные всегда держались грубо и высокомерно, всячески демонстрируя превосходство Внутренней Агемы над рядовыми обитателями Тайного Города.

К сожалению, друзья оказались правы.

– Шаса? – повторила самая рослая и, видимо, старшая из трёх ведьм.

Ей не требовалось спрашивать – простейшее магическое сканирование, которое они наверняка провели, чётко показало генетический статус Лисс, однако ведьме захотелось, чтобы девушка представилась. Или доложила.

– Шаса, – подтвердила Лисс, стараясь смотреть на зелёных ведьм не слишком недружелюбно.

– Что ты здесь делаешь?

– Живу, – ответила девушка, проглотив ответ «не ваше собачье дело». Однако короткий и спокойный ответ не избавил её от дальнейших расспросов.

– Остроумная, – заметила одна из младших ведьм.

– Наверное, думает, что смешно пошутила над нами.

– Поиздевалась.

– Наглая сучка.

Патрульные были одеты в тёмное, терялись в сгустившихся сумерках, но Лиссет знала, что одежда не чёрная, а тёмно-зелёная – ведьмы недолюбливали чёрное.

– Ты – маг?

– Слабый.

– Колдуешь?

– Нет лицензии Альянса.

– Почему?

– Ты обманываешь Альянс?

– Когда ты колдовала последний раз?

– Во мне минимум энергии.

– Проверим.

– Вы уже проверили.

– Молчи и жди, когда тебя спросят.

– Что у тебя в сумочке?

– У тебя есть артефакты? Открой сумочку.

– Вы имеете право обыскивать меня?

– А как ты думаешь?

Ответить Лисс не успела.

– Она думает, что нет, не имеете, – прозвучал уверенный мужской голос, и патрульные одновременно повернулись в сторону остановившегося в тени прохожего. Удивляясь про себя, что не заметили его приближения.

– Ты кто?

– Для начала расслабьтесь, девочки. Я не хочу кровопролития.

– Тогда уходи. – Старшая ведьма чётко дала понять, что церемониться не станет: раз незнакомец знает о Городе, значит, должен понимать, на кого нарвался, и для него будет лучше заткнуться и пройти мимо. – Считай, что мы тебя не видели.

– Зато я вас видел. – Мужчина вышел из тени. – Меня зовут Дориан Машар, центур Внутренней Агемы. На ваши имена мне пока плевать, просто скажите, по какому праву вы задерживаете эту девушку?

– Она – тёмная! – сдуру бросила младшая ведьма. Прикусила язык, услышав шипение подруг, но было поздно.

– Быть тёмной – не преступление.

– Мы сочли её подозрительной.

– Она колдовала?

– Нет.

– Вы засекли работающие артефакты?

– Нет.

Старшая ведьма отвечала коротко, неохотно, даже зло, но

отвечала, раз уж нарвалась на Внутреннюю Агему.

– Какой отряд?

– Что?

– Кто ваш центур?

– Мы не из Внутренней Агемы, – неохотно ответила старшая.

– А откуда? – удивился Машар.

– «Секретный» полк.

Это подразделение Зелёного Дома было много меньше дружины Дочерей Журавля, однако комплектовалось отборными боевыми магами, изначально убеждёнными в своём превосходстве не только над обыкновенными москвичами, но и над большинством ведьм. Сейчас они перестали сдерживаться и решили продемонстрировать его одинокой тёмной.

– С каких это пор «секретный» полк стал нападать на честных жителей Города?

Несколько секунд на пустынной улице царил тишина – зелёным требовалось время на размышление. С одной стороны, ведьмы понимали, что с центуром Агемы лучше не связываться. Не потому, что он силён, а потому, что Консул во всеуслышанье заявил, что своих в обиду не даст. С другой – зелёных раздосадовало, что не получилось поиздеваться над Лисс. И особенно тем, что их остановил рыцарь, отношения с которыми у ведьм исторически не складывались.

– Мы несём такую же ответственность за происходящее

в Городе, как и Агема, – хмуро произнесла старшая ведьма.

– Нет. Вы обязаны оказывать факторам Внутренней Аге-мы любую помощь и предотвращать противоправные дей-ствия, если становитесь их свидетелями. – Дориан говорил ровным, издевательски спокойным голосом, но ведьмы тер-пели. – Я могу узнать, какое преступление вы здесь предот-вращаете?

– Несовершённое.

– Прекрасный ответ, ведьма.

– Наслаждайся, рыжий.

– Я вас больше не задерживаю. Доложите своему непо-средственному начальнику о произошедшем, и пусть он зав-тра позвонит. Запомнили моё имя?

– Навсегда, рыжий.

– Вот и славно. Вы ведь понимаете, что «навсегда» – это всего лишь до того момента, как моё имя перестанет для вас хоть что-нибудь значить?

– Например, когда оно станет строчкой на могильной пли-те, – не сдержалась ведьма.

– Как вариант, – пожал плечами Дориан. – Или подписью под объяснительной запиской.

– Под какой запиской? – не поняла одна из младших.

– В которой я объясню руководителю Агемы, почему мне пришлось убить трёх наглых зелёных сучек, – рассказал Ма-шар. – Таков порядок: ваши последние секунды будут зафик-сированы в коротком тексте, который никто не станет читать.

И они вновь сдержались. Уже поняли, что перед ними не просто рыцарь, а командор войны, причём – готовый к драке, причём – наверняка изучивший их и знающий, что справится. Поэтому и выбрал издевательский тон.

– Назвать тебе моё имя, рыжий?

– Не пытайся поразить меня храбростью, ведьма. Мне плевать.

Несколько секунд старшая бешено смотрела центуру в глаза, затем прошипела короткое ругательство и отступила. Подруги последовали за ней, и троица быстро скрылась за первым же поворотом. После чего рыцарь наконец-то посмотрел на Лисс:

– С тобой всё в порядке?

– Да... Они меня не тронули, не успели...

– Я знаю. Если бы тронули – я бы не стал с ними разговаривать.

– Они... они... – Лисс бросилась к центуру на грудь, прижалась и счастливо всхлипнула, чувствуя, как её обхватывают сильные руки. – Дор... Дор... Я так испугалась...

Рыжие любят блондинок...

Это не аксиома, но так повелось: крепкие рыцари и белокурые ведьмы по какой-то причине тянутся к запретному – друг к другу. Тысячи лет соперничают в Тайном Городе,

и тысячи лет бегают на свидания, насмерть бьются в сражениях жестоких войн, стонут бессонными ночами... А потом снова дерутся.

Так повелось: рыжие любят блондинок... А женятся на рыжих.

Но нет правил без исключений, и некоторым рыцарям нравятся не яркие белокурые ведьмы, не родные рыжие красавицы, а брюнетки. Невысокие хрупкие брюнетки, в глазах которых пылает яркий, очень жаркий огонь. Вроде незаметные, но заполняющие тебя полностью. И тебя, и мир вокруг.

Такой увидел Дориан Машар юную шасу по имени Лиссет – женщиной, вобравшей в себя весь его мир. Завладевшей его мыслями и чувствами. Женщину, рядом с которой он почувствовал себя настоящим. Или проснувшимся, наконец-то очнувшимся от странного времени, когда в его жизни не было её – Лисс.

– Я просил дождаться в аптеке и выйти только после моего сообщения.

– Ты слишком долго не присылал сообщение, а брат Шитус откровенно намекал, что ему пора закрываться.

– Брат Шитус любит тебя и готов болтать всю ночь.

– Я захотела прогуляться.

– А я просил...

– Тебя не было.

– Немножко задержался по делам.

Лисс тихонько вздохнула, мягко обняла Машара за шею,

уткнулась ему в плечо и прошептала:

– Хорошо, что немножко.

Так она сказала «спасибо».

А он больше не стал повторять, как глупо она поступила, не дождавшись его в аптеке, а просто прижал девушку к себе и поцеловал в ушко. И вспомнил о волне бешенства, накрывшей его при виде стоящей перед ведьмами Лисс. О жгучем, с большим трудом подавленном желании убить обидчиц. Дориан не был уверен, что выстоит против трёх ведьм, но у него было преимущество – значок центура Внутренней Агемы, который позволил бы выиграть лишние секунды. Чтобы убить.

Но он не убил. Хоть был готов.

Прогнав зелёных и успокоив Лисс, Машар посадил её в машину и отвёз к себе, куда, собственно, она и шла по тёмному переулку, заставил выпить бокал красного – чтобы успокоиться окончательно, – а потом... Потом Дориан стал счастлив... Именно так он воспринимал близость с девушкой – как счастье, потому что переживал с Лисс то, что не испытывал никогда раньше, – не только упоительный секс, но незабываемые эмоции, сильнейшие чувства, поднимающие его на самую вершину.

Поднимающие их на самую вершину...

А когда они отдыхали, лёжа поперёк кровати, он зачем-то вернулся к этой теме. Обругал себя сразу после первой фразы, но слово – не воробей, и они заговорили о вечернем про-

исшествии.

– Скажи... чтобы ты сделал, если бы ведьмы не отступили? – очень тихо спросила девушка.

– Ты знаешь что, – в тон ей ответил Машар.

– У тебя есть на это право?

– Консул создал Внутреннюю Агему именно для того, чтобы поддерживать порядок. «Секретные» они или нет – они не имели права вести себя подобным образом, и если бы не остановились, я смог бы сделать с ними всё что угодно.

– Ради меня?

– Ради тебя. Но ты знаешь, что, окажись на твоём месте кто угодно другой, – я бы тоже вмешался.

– Знаю, – вздохнула Лисс. – Потому что это ты.

Он мягко провёл ладонью по её волосам.

– Потому что сейчас, в эпоху смены власти, кто-то должен удерживать Тайный Город от падения в хаос. И этот «кто-то» – Внутренняя Агема. Нравится тебе или нет, но пока между тобой, твоими друзьями, твоими родителями и отморозившимися колдунами стоим только мы.

– И ещё вы преследуете инакомыслящих.

– Противников порядка, – уточнил Машар.

– Нового порядка, – уточнила девушка.

– Каждый порядок когда-то был новым.

– Разве это хорошо – преследовать тех, кто не согласен?

– Вольно или нет, они ввергают Город в хаос.

– Они просто сопротивляются навязыванию новых догм.

– Сопротивляться можно по-разному.

– Ага, стань частью системы, чтобы изменить её изнутри.

Старая сказка.

– Согласен – старая, – не стал отрицать Дориан. – Но я имел в виду другое: ты не обратила внимание на то, как мягко и плавно вошёл в Город новый порядок? Минимум крови. Никакой войны.

– Никакого хаоса, – прищурилась Лисс.

– Да, никакого хаоса. И это очень важно. К Консулу можно относиться как угодно, но не следует отказывать ему в уме. Он не разрушил то, что было, а изменил структуру власти. Все институты Тайного Города продолжают работать: «Тиградком», Служба утилизации – все. Режим секретности соблюдается...

– А по ночным улицам разгуливают отморозившиеся, как ты выразился, колдуны.

– Для которых есть Внутренняя Агема.

– Вы не можете успеть повсюду.

– Но мы есть. И тщательно расследуем все случаи агрессии и мародёрства.

– Мои друзья с тобой бы не согласились.

– У них были проблемы? – поднял брови центур.

– Да.

– Они подавали жалобу в Агему?

– Нет, – признала после паузы девушка.

– Вот и ответ на твой вопрос.

– Они не верят Агеме.

– Вот и ещё один ответ на твой вопрос.

Лисс помолчала, затем привстала, уперевшись локтем в кровать, и посмотрела Дориану в глаза:

– Неужели ты согласен с тем, что произошло? Согласен с появлением Альянса и властью Консула?

– Я не могу изменить то, что произошло, – мягко ответил центур, отвечая на взгляд девушки. – Чувствуешь разницу?

– Все говорят, что не могут.

– Я – не все, моя любовь. – Так он мягко намекнул на свой высочайший магический уровень. – Я честно служил Ордену и готов был сражаться за него до конца, но Консул настолько аккуратно перехватил власть, что сражения не состоялось. Получилось так, что я не нарушил присягу, продолжил служить, но потерял смысл служения. То есть я знаю, что произошёл переворот, что всё поменялось, официально этого не случилось – только под ковром. Я хочу биться, но не знаю, кому доверять. А многие мои сослуживцы с таким восторгом приняли власть Консула, что поставили меня в тупик.

– Ты мог продолжить служить Ордену.

– И делать вид, что не понимаю происходящего?

Да, в этом был весь Дориан Машар, блестящий рыцарь, командор войны, честный и не терпящий лицемерия.

– Зачем ты пошёл в Агему? – прошептала Лисс, прижимаясь к груди центура. – Зачем?

– Затем, что в Агеме тоже полно отморожившихся магов.

И кто-то должен сделать так, чтобы жителям Города было не так плохо, как могло бы.

– Ты отрезал себе путь назад.

– Возможно.

Девушка вздохнула и тихо-тихо задала самый главный вопрос:

– Что будет, если Альянс падёт?

И похолодела, услышав то, что должна была услышать.

– Если Альянс падёт, меня приговорят к смерти – как предателя.

– Поэтому ты будешь защищать Альянс до последней капли крови?

– Нет, моя любовь, поэтому я буду поддерживать в Городе порядок, заставляя всех соблюдать закон. Новый? Да, новый. Но закон, который не позволяет нам скатиться в хаос, – ответил Дориан. – И не стану думать о том, что будет «если».

* * *

Частный жилой дом

Подмосковье, Серпуховской район

Быть не такой, как все.

Отличаться трудно, особенно – в детстве, ведь малыши только начинают осознавать законы жизни, что есть зло и жестокость, они узнают на опыте, а опыты ставят над теми, кто рядом, и первая в таких случаях цель – тот, кто не похож. Кто

не такой, как все. Именно им достаются тычки – как в тело, так и в душу, перед ними потом, уже в зрелости, извиняются, обязательно добавляя, что «были детьми», но кому нужны извинения потом, если горько – сейчас? Если дружба получается, лишь когда скрываешь свою суть? И не получается дружить с тем, с кем хочется, потому что он – или она – знает о тебе всё и очень хочет, но не может признать тебя своей. Не может – потому что все вокруг считают тебя чужой.

Не такой, как все.

Частью мира, частью Тайного Города, но... но частью неполноценной.

Полукровкой.

И эта печать, или клеймо, останется с тобой навсегда – полукровка. Взрослые произносят его редко, но думают его, что много хуже, ведь слово, которое думаешь, скользит во взглядах и оборванных фразах, оно остро чувствуется и от того бьёт ещё сильнее. Сильнее детских тычков, которые пусть даже до крови.

Полукровка.

Такой была Марина Брич, которую друзья называли Бри, – полукровкой. Плодом большой любви. Любви не запретной, нет, но нежелательной. Любви между молодым врачом и молодой врачом, встретившихся в одной из московских клиник. Встретившихся, чтобы больше никогда не расстаться. Айнис и Елена... Они происходили из семей известных, с историей, с бесчисленными врачами в роду, с детства знали,

чему посвятят жизни, и не могли не встретиться. Встретились, назвали свои имена, посмотрели друг другу в глаза и поняли, сразу поняли, что им суждено быть вместе. Уже вечером он проводил её до дома. Через неделю она познакомилась с родителями. Ещё через неделю он представил её родственникам. Уже – как невесту. Просто сказал, что сделал выбор и ни за что его не изменит. Его отец – у Айниса был только отец – промолчал и очень тепло улыбнулся Елене. Очень-очень тепло. Но промолчал.

А Елена уже знала о Городе и том, что Айнис – эрлиец, представитель древней расы врачей, имеющей очень мало общего с людьми. Что он умеет много больше, чем все медики мира, а учёба ему понадобилась лишь для получения диплома и легализации. А ещё Елена знала, что Айнис её любит – и всё остальное не имело значения.

Они не могли не быть вместе. И никто не мог им помешать.

Да никто и не хотел мешать, потому что достаточно было увидеть, как Айнис и Лена смотрят друг на друга, как держатся за руки, как скучают, расставаясь даже на час, чтобы понять, что их любовь сметёт любую преграду. А тому, кто попытается помешать, потом будет стыдно. Каким бы подонком он ни был – ему всё равно станет стыдно, ведь такой любви мешать нельзя.

Айнис и Лена сыграли свадьбу, через два года на свет появилась Марина, и их семья обрела законченные черты.

А дальше... дальше – успешная карьера, и у Айниса, и у Елены, много любви и радости, в заботах друг о друге и в тепле. В абсолютном душевном тепле. Что же касается Марины, она унаследовала способности отца и талант матери. Ей предложили блестящее будущее, и в обычном мире, и в Городе – эрлийцы предлагали девушке пройти обучение и открыть собственную практику, но однажды...

Однажды всё изменилось.

Умер дед – скоропостижно, и неожиданно оказалось так, что именно на нём крепилось мироздание семьи. Дед умер, а через два месяца Айниса убили атаковавшие Город вампиры, убили на улице, и убили прицельно – опознав эрлийца. Марина думала, что двух тяжелейших ударов для одного года будет достаточно, но ошиблась. Судьба будто решила, что слишком долго их маленькая семья купалась в любви и радости, и вознамерилась потребовать плату за счастливые годы. Страшную плату.

Сначала дед, потом отец, теперь – мать...

– А здесь и впрямь настоящая глушь, – рассмеялся Володя, выходя из машины. – Никогда бы не поверил, что в Подмосковье можно отыскать настолько дремучее захолустье.

– Почему?

– Думал, всю землю здесь давно распилили на коттеджные

посёлки, а что не распилили – отдали под Новую Москву.

Оспаривать высказывание Володи Бри не хотела, говорить о местных земельных лордах – тем более, поэтому выдала нейтральную улыбку и полушутя продолжила утреннюю тему:

– Теперь ты понимаешь, почему наш домик не отняли?

– Нет, не понимаю, – мгновенно ответил Володя. – Место здесь удивительное.

– Только добираться тяжело.

– Добираться дико трудно – это правда, но место великолепное. Невозможно в него не влюбиться.

Очень далеко от Москвы, на самой границе области, зато вокруг – чудом сохранившиеся леса, абсолютная тишина – несмотря на стоящую неподалёку деревню, и великолепный вид с высокого берега Оки.

– Наверное, здесь красивые закаты? – предположил Володя.

– Очень, – не стала отрицать девушка.

– Почему мы не приезжали сюда раньше? Чтобы побыть только вдвоём.

– Последние годы здесь жил дедушка.

– Круглый год?

– Он любил дом.

– Понимаю его. – Антон остановился и осмотрел уютно устроившееся среди деревьев строение. – Дом очень красивый. Правда, старый. И маленький.

И во всём он был прав.

Дом действительно производил впечатление: не очень большой, но изящный, с весёлой башенкой справа, которую очень любила маленькая Марина, высокой крышей, под которой помещалась просторная мансарда, и большими окнами первого этажа. Дом появился на берегу Оки вскоре после Отечественной войны 1812 года и с тех пор ни разу не перестраивался, только ремонтировался. Причём ремонтировали его бережно, правильнее было бы сказать – реставрировали. Эрлийские предки Бри дом любили, менять в нём ничего не хотели, и потому он производил впечатление абсолютно аутентичного строения той эпохи... Собственно, он таким и был.

– Ты часто здесь бываешь?

– В детстве, пока не пошла в школу, жила здесь с апреля по октябрь.

– С родителями?

– С дедом.

– В такой глуши? – удивился Володя.

– Деревня в трёх километрах.

– Всё равно глушь.

– В общем, да – глушь, – подумав, согласилась Бри. – Но дед никого не боялся и меня научил.

– А если случится что?

– Что?

– Ну... не знаю. – Володя закрыл ворота и направился

к багажнику – за сумками. – Мало ли что может случиться? А до деревни целых три километра.

– Дед ничего и никого не боялся, – повторила девушка.

И в очередной раз пожалела, что милый друг хоть и вырос в Москве, ничего не знает о Городе. О том, что обеспечивать удалённую связь маги умели задолго до изобретения мобильных телефонов, перемещения с помощью артефактов портала занимают считанные секунды, а преступникам – если они сумеют преодолеть гипнотическое заклинание «ничего особенного», внушающее ненужным гостям, что в доме нет ничего интересного, – преступникам лучше держаться подальше от тех, кто способен метнуть в тебя огненную молнию...

– Проходи. – Девушка поднялась на крыльцо, открыла дверь и посторонилась, пропуская несущего пакеты Володю. – Кухня прямо по коридору. Оставь пакеты у холодильника.

– А здесь чисто, – заметил парень.

– Мы... платим местной женщине, она приходит, убирается.

– Зачем?

– Затем, чтобы сюда можно было приехать в любое время. – Бри увидела непонимающий взгляд и улыбнулась: – Это дом, Вов, настоящий дом. Он должен жить и дышать, его нужно содержать в чистоте и приводить в порядок, если что-нибудь случится. Так надо, потому что в противном случае

дом умрёт.

И поймала себя на мысли, что говорит словами деда.

– Тогда я разуюсь, – негромко сказал Володя.

– Спасибо.

Он поставил пакеты на пол, скинул кроссовки и прошёл в дом в носках. Не видя, как Бри улыбается ему в спину. Улыбается, радуясь тому, что Володя увидел, оценил, а главное – понял, где оказался. И понял, как должен поступить. И улыбкой своей Бри говорила: «Спасибо».

– Дом небольшой, но очень уютный. – Поставив пакеты, парень прошёл на веранду, с которой открывался вид на реку, распахнул одно из окон и огляделся. – Красота!

– Невозможная красота, – подтвердила Бри.

– Может, останемся до вторника? Мне здесь нравится.

– До вторника не получится, – вздохнула девушка, испытывая непреодолимое желание спрятаться в доме на всю ближайшую неделю. А лучше – на месяц. Закрыться и затаиться, в надежде, что всё плохое, что случилось за последние месяцы, схлынет, забудется и оставит в покое душу. Перестанет теревить, требуя расплатиться по долгам, которые она сама себе придумала.

– Хорошо, давай останемся до понедельника?

– Еды не хватит.

– Я сгоняю в магазин.

«Какой же ты милый...»

– Марина, тебе нужно развеяться.

Он чувствовал её настроение, не знал подробностей смерти матери, но понимал, что Бри не в своей тарелке, и заботился как мог. И за это девушка была Володе очень благодарна.

– Вов, давай останемся здесь до завтра – как договаривались? Иначе поездка в Питер точно накроется.

– А так она не накроется? – мгновенно среагировал парень.

– А так я ещё думаю.

– Но думаешь в положительном направлении?

– В очень положительном.

– Ты обещала.

– Я обещала подумать.

– Хорошо. – Он закончил тему быстрым поцелуем в губы и поинтересовался: – Что здесь ещё есть?

– На первом этаже веранда, кухня, гостиная с камином и две спальни, – перечислила Бри. – Весь второй этаж – одна большая мансарда.

– Холодная?

– Тёплая.

– Спальня?

– Теперь – моя.

– Здорово!

– Я тоже так думаю, – улыбнулась Бри. – Но спальню придётся заслужить.

– Что я должен сделать?

– Разожги камин, а я пока придумаю насчёт ужина.

– А купаться?

– Купаться – завтра утром.

– Точно?

– Я разбужу тебя в пять...

– Нет!

– Хорошо, в семь, – рассмеялась Бри. – В семь тоже замечательно: мы спустимся к реке и будем купаться в небольшой заводи.

– В ней водятся черти?

– Это не омут.

– Значит, русалки?

– Увидишь.

– Жду не дождусь. – Володя прошёл в гостиную и почти сразу сообщил: – Дров нет!

– Ключ от сарая справа от двери, – ответила ушедшая на кухню Бри. – Если дров окажется мало – наруби про запас.

– А ты умеешь занять гостей...

– Топор в сарае. Целую.

– Прекрасная телеграмма.

– Рада, что она тебе понравилась.

– Ты, случайно, не из Питера родом?

– Просто навеяло твоим желанием туда смотаться.

– Мне отозвать предложение?

– Ты настолько осторожен? – подняла брови девушка. И, прежде чем Володя ответил, осведомилась: – Топором поль-

зоваться умеешь?

– Пару раз видел, как его применяют.

– В кино небось видел?

– А где ещё?

– Ну-ну...

– Не волнуйся, я справлюсь.

И действительно справился.

Впрочем, справился не только он: Бри тоже не ударила в грязь лицом, и вечер получился удивительно хорошим. К бутылке белого вина, которую они прихватили с собой, девушка приготовила куриное фрикасе с белыми грибами, не в первый раз удивив Володю умением вкусно стряпать. Ужин плавно перешёл в посиделки перед камином: дом стоял рядом с большой рекой, к вечеру становилось прохладно, а камин приятно сглаживал это неудобство. Сначала просто сидели, болтая и наслаждаясь возможностью побыть вместе, не заботясь ни о чём, кроме поддержания разговора. Затем занялись любовью – у камина и наверху, в большой спальне-мансарде.

Не спали до трёх утра.

Потом Володю сморило. А девушка, убедившись, что он крепко спит, выскользнула из-под одеяла, накинула футболку и быстро спустилась в подвал. Быстро и уверенно, даже свет нигде не включала, ведь она знала каждый уголок, каждую скрипящую половицу. Прошла сквозь дом бесшумной тенью, но перед последней дверью, что вела в дальнюю часть

подвала, остановилась, так и не надавив на ручку. Замерла, как будто вдруг растеряла уверенность. А в действительности – вспомнив старый разговор.

Очень старый разговор.

Дед сказал:

«Бри...»

Дед всегда называл её Бри, всегда, сколько девушка себя помнила. И именно дед начал так её называть, вызвав изрядное неудовольствие родителей и восторг у маленькой Марины, которой безумно понравилось второе имя.

Так вот, этот разговор состоялся, когда ей исполнилось двенадцать лет, и дед тогда сказал:

«Бри, ты знаешь, я тебя люблю. Хотя, не скрою, – полюбил не сразу. Я воспитывался в традиционном укладе, и мне было трудно принять чужую кровь. Какое-то время я сдерживал эмоции и чувства, однако ты сумела растопить лёд моего сердца и поселиться в нём. Своей непосредственностью, живостью, нежностью, искренностью и тем, что ты – моё продолжение. Однажды я увидел в тебе себя, наверное, даже больше, чем вижу себя в сыне, и с тех пор для меня нет никого важнее и дороже».

«Я люблю тебя, дед», – просто ответила девочка.

«Я знаю, Бри, и очень это ценю».

«Поиграем?»

«Не сразу. Сначала я сделаю тебе подарок».

«Ты приготовил мне подарок?» – обрадовалась Бри.

«Возможно, не такой, как ты считаешь, но очень ценный. И очень взрослый. Ты ведь уже достаточно взрослая девочка, чтобы я мог доверять тебе, не так ли?»

«Я никому не рассказала о Тайном Городе, хотя знаю о нём уже два года и часто общаюсь с теми, кто в него не допущен».

«Да. – Старик улыбнулся. – Пожалуй, я могу тебе доверять».

«Спасибо, дед».

«Что же касается подарка, то он, поверь, действительно ценный. – Эрлиец помолчал. – Скажи, Бри, что на свете имеет самое большое значение?»

«Для каждого – своё. И ещё – это зависит от возраста и обстоятельств».

Несколько мгновений старик изумлённо смотрел на внуку, после чего пробормотал:

«Не зря ты столько читаешь...»

«Я много знаю?»

«Знаешь ты пока мало, но умна не по годам».

«Спасибо, дед».

«Спасибо скажешь родителям».

«И тебе».

«И мне... – Старик снова помолчал. – Так вот, Бри, самое важное и ценное на свете – знания. Они останутся с тобой всегда, помогут и приведут к успеху. Они – ключ ко всему».

«Я стараюсь в школе и учусь очень хорошо».

«Я знаю, Бри, и горжусь твоими достижениями. Я вижу, как ты тянешься к новому и впитываешь его, и потому скажу ещё одну вещь, которую ты обязательно должна знать: нет на свете ничего страшнее знаний».

«Если их использовать во зло».

«Иногда знания и есть зло, Бри, очень большое зло».

«Зачем же их знать? Их нужно прятать».

«От всех», – подтвердил эрлиец.

Девочка выдержала паузу, повторяя про себя слова деда, а затем догадалась:

«Ты хочешь открыть мне страшную тайну?»

«Я хочу подарить тебе книгу. – Старик выдвинул ящик стола и показал внучке древний, потёртый в уголках том. – Она досталась мне от отца, а ему – от его отца. Наша семья хранит её тысячи лет, и никто, никто, Бри, её не открывал. Никогда».

«В ней зло?»

«В ней зло, – подтвердил эрлиец. – И в ней – колоссальная сила. Поэтому никогда не открывай эту книгу, Бри, никогда... Только в самом крайнем случае. Когда нельзя будет иначе».

«А что такое «крайний случай»?»

«Молись, чтобы он никогда не наступил. Но если он наступит... Ты сразу поймёшь, что это он. Не ошибёшься».

Но Бри до сих пор не была уверена, что крайний случай наступил.

Маму похоронили месяц назад, а она всё прикидывала, тот ли это случай или нет. Боролась с собой, пытаясь понять, стоит ли обращаться к знаниям, несущим зло. К знаниям, которые есть зло. Рыдала от бессилия, видя во сне умирающую мать, но убеждала себя, что обволакивающая душу тьма – не повод браться за книгу, которая вызывала у деда ужас. Пыталась погасить пылающую внутри ненависть, но вновь и вновь вспоминала о тайнике в старом доме. Вспоминала и шептала:

«Нельзя!»

Потому что понимала, что обратного пути не будет.

Бри боролась с собой.

Но проиграла.

Она открыла дверь, ведущую в дальний конец подвала, подошла к кирпичной кладке, вздохнула и провела рукой так, как показывал дед. Одновременно прошептав пароль:

– Маленькая Бри.

Вздрогнула, увидев раскрывшийся тайник, и вытащила из него деревянный пенал. Деревянный, но крепкий, надёжно защищающий содержимое от воды и огня – пенал изготовили шасы, и он мог выдержать очень многое, даже ядерный взрыв. А открывался просто – прикосновением. Узнав руку девушки, деревянная панель съехала в сторону, и Бри сквозь слёзы посмотрела на книгу в кожаном переплёте тёмного, очень глубокого синего цвета. На обложке – два коротких слова, вытесненных неизбежно чёрным. Два очень коротких слова на очень старом языке. Бри на нём не говорила

и знала только два этих слова. Знала, как они произносятся, а главное, точно знала, что они означают. Название древней книги звучало бесконечно страшным обещанием:

«ТЁМНЫЕ ЦЕРЕМОНИИ»

Глава 2

«Победное шествие торговой марки «MG» продолжается! Недавно появившийся, но мгновенно ставший необыкновенно популярным бренд провёл шумное открытие пятого по счёту магазина в Москве. Громкая акция, собравшая не менее четырёхсот человек, завершилась появлением самого популярного блогера России, признавшегося в том, что он тоже стал поклонником удобной и современной одежды. После чего блогер начал петь...»

(«ТАСС»)

«Стали известны некоторые подробности вчерашнего убийства на Широкой улице. Как оказалось, квартира, в которой были обнаружены тела факторов Внутренней Агемы, принадлежит московской диаспоре хванов, которые уже заявили, что не имеют никакого отношения к случившемуся и последние годы сдавали недвижимость в коммерческих целях. При этом Тъц, один из лидеров диаспоры, выразил сожаление и принёс родственникам погибших рыцарей самые искренние соболезнования. Орден и Внутренняя Агема заявили, что удовлетворены полученными объяснениями, однако некоторые наблюдатели высказывают мнение, что в действительности история чуть более запутана, чем её представляют

публике, и пострадавшие стороны просто-напросто не желают связываться с семейством наёмных убийц...»
(«Тиграджом»)

* * *

Межотраслевая генно-седативная лаборатория корпоративных технологий ФПП

Москва, Малый Власьевский переулок

Город, спрятавшийся в городе и тысячи лет живущий рядом, почти вместе, но бесконечно далеко от жителей Москвы, не мог не оставлять следов. Случайные взгляды, досадные оплошности, бытовая рассеянность, да и обычная глупость – все эти факторы приводили к тому, что обычные москвичи – случилось – натыкались на необъяснимые явления. Кто-то замечал материализовавшегося на пустой улице человека – человека ли? – кто-то, раскрыв рот, наблюдал парящего в небе дракона или видел огненный шар, с лёгкостью пробивающий каменную стену. Кто-то сталкивался на улице с бывшей соседкой, которой давным-давно пора было умереть, а кто-то мучился от необъяснимой головной боли, не зная, что в соседней квартире формируется сложнейший аркан, требующий мощного потока магической энергии. Следы Тайного Города проявлялись часто, и жители делали всё, чтобы их принимали за «случайности», «совпадения» или просто не обращали внимания.

За тем, чтобы тайна оставалась тайной, пристально следила Служба утилизации, обитатели Тайного Города, не желающие выставлять на всеобщее обозрение свою истинную суть, строго придерживались правил режима секретности, однако некоторые из них не отказывали себе в удовольствии внести в серьёзное дело нотку абсурда, и тогда на свет появлялись несуществующие организации, вроде «Межотраслевой генно-седативной лаборатории корпускулярных технологий ФПП».

Именно так значилось на табличке, привинченной справа от входной двери в небольшой, но очень уютный особнячок, спрятавшийся среди арбатских переулков. Старый, но крепкий, не блещущий гляncем реконструкции, но аккуратный, ухоженный, видно, что обжитой. Странная вывеска появилась на нём давно, но как расшифровывалось «ФПП», похоже, не догадывались даже сами владельцы, точнее – владелец, поскольку особняк принадлежал известнейшему в городе артефактору Лёне Клопицкому по прозвищу Тыжеумер. Домик свой он любил и отдавать не собирался, хотя желающие отжать симпатичную недвижимостъ в самом центре столицы появлялись с завидной регулярностью. Лёня получал как лестные коммерческие предложения, так и грубые криминальные и вежливо отказывал всем. Некоторые отказ принимали и уходили. А те, кто продолжал настаивать, – тоже уходили, но несколько иначе, и в их отношении уместно использовать определение «исчезали». Поскольку отыскать их

впоследствии не мог никто, включая опытных в таких делах магов. Постепенно даже самые глупые и наглые любители лакомой московской недвижимости сообразили, что симпатичным особнячком лучше не интересоваться, решили, что за странной вывеской прячется либо что-то военное, либо принадлежащее госбезопасности, и тревожить Клопицкого стали совсем редко.

Что же касается жителей Тайного Города, они были прекрасно осведомлены о владельце особняка, знали его причуды и уважали. Нет, не за причуды, конечно, а за необычайное мастерство. Однако посетители у Лёни бывали нечасто. Во-первых, мастерство стоит дорого, поэтому услуги Тыжеумера были по карману далеко не всем. Во-вторых, о происходящем в старом особняке ходили такие слухи, что многие потенциальные клиенты предпочитали договариваться о встрече на нейтральной территории, в хороших ресторанах, до которых Лёня был весьма охоч. Однако Лисс легенды и слухи не смущали, скорее, вызывали интерес, и говорить о своей деликатной просьбе ей было проще в доме, где их точно никто не подслушает. При этом звонить непредсказуемому артефактору девушка не стала, чтобы не объяснять суть вопроса и не получить отказ, – просто явилась на Малый Власьевский и постучала в дверь.

Послушала тишину. Припомнила гуляющие об обители Клопицкого легенды, постучала вновь, поняла, что бесполезно, и осторожно потянула на себя дверь. Которая, несмотря

на внешнюю массивность, подалась необычайно легко, радушно приглашая гостью – или жертву – войти.

– Клопицкий! – позвала девушка, не переступая через порог. – Лёня!

Тишина.

Изнутри не доносилось ни звука, а дверь, словно опомнившись, принялась закрываться. Мягко, без рывков, но ощутимо намекая, что ей не нравится долго пребывать в открытом состоянии. Лиссет поняла, что сама по себе дверь больше не откроется, только по приказу хозяина, а пустит ли её непредсказуемый Тыжеумер – вопрос... Но и заходить в загадочный особняк без разрешения ей не хотелось.

– Клопицкий! – Давление усилилось – пока стоящей на пороге Лисс удавалось сопротивляться, но дверь прибавляла, и скоро придётся делать выбор: в дом или на улицу. Или её просто-напросто сплющит. – Клопицкий!

Бесполезно.

– Вот гад! – с чувством выругалась девушка и шагнула в холл.

Дверь за её спиной мягко закрылась, едва слышно щёлкнув замком.

– Клопицкий!

Хозяин по-прежнему игнорировал гостью.

– Леонид, я знаю, что пришла без предупреждения, но прошу принять меня. Это очень важно.

Висящий на стене меч открыл глаза и с интересом посмот-

рел на посетительницу. Девушка замерла. Она знала, что Ты-жеумер славился умением создавать необычные артефакты, но не думала, что он умеет смешивать бездушные устройства с големами.

Меч продолжал смотреть, причём не особенно дружелюбно, поэтому Лисс сочла уместным сообщить:

– Я по делу.

Слова оставили меч равнодушным.

– Пожалуйста, позови... позовите, пожалуйста, Леонида... если можете.

– Он не может, – сообщил кто-то из-за спины Лисс.

– Кто здесь?!

Девушка резко обернулась, однако в холле никого не оказалось.

– У него рта нет, неужели не видишь?

Голос вновь прозвучал из-за спины, только теперь совершенно с другой стороны. И как неизвестный успел так быстро, а главное – бесшумно – переместиться, осталось для девушки загадкой.

И конечно же, она опять никого не увидела.

– Разговаривать с артефактами – неслыханная глупость! Неслыханная! Даже тебе это должно быть понятно!

На этот раз фраза прозвучала сверху, но, задрав голову, Лисс разглядела лишь люстру. Большую, красивую, бронзовую, прекрасно подходящую к холлу, но пыльную и не электрическую – из люстры торчали не лампочки, а огарки све-

чей.

И да – ни на люстре, ни рядом с ней никого не оказалось.

– Ты чего всё время вертишься? Нервничаешь? Или у тебя судороги?

– Перестань со мной играть!

– Если судороги, то интересно отчего? Если от холода, то сейчас лето. А если ты умираешь, то зачем явилась?

– Я могу уйти!

– А зачем приходила?

Ситуация складывалась идиотская. Столкнись девушка с подобным отношением в любом другом месте, она давно бы ушла, оставив на прощанье тонкий аромат крепких слов. Но ей обязательно было нужно поговорить с Клопицким, а Клопицкий вёл себя в привычной манере, о которых с упоминанием рассказывалось в легендах и анекдотах. Точнее, не то чтобы вёл... просто превратил свой дом в помесь лаборатории сумасшедшего учёного и шкатулки с сюрпризом.

Девушка вздохнула, по очереди посмотрела на три двери, затем – на лестницу, ведущую на второй этаж, прикинула, чем может закончиться попытка пройти внутрь без сопровождения, и услышала бесплатный совет:

– Даже не думай.

– Даже не думала.

На этот раз она не стала поворачиваться на голос.

– Это называется инстинктом самосохранения.

– Не думать?

– Да. Умные мысли до добра не доводят.

По лестнице скатился футбольный мячик. Медленно. Не набирая скорости. Мягко попрыгал со ступеньки на ступеньку, остановился, раскрылся в белую, с чёрными пятнами, игуану и принялся раскапывать гранитный пол. Безуспешно, но с большим усердием.

– Тренируется, – прокомментировал голос.

– Я вижу.

– Видишь, но не понимаешь. Оно ядовитое.

– Или покажись, или позови Клопицкого.

– Смотри.

Совсем рядом с девушкой с грохотом упал портрет Клопицкого в массивной резной раме.

– Урод! – вскрикнула Лисс.

– А на мой взгляд, хозяин чудо как хорош. Элегантен и красив.

Написанный маслом Лёня сидел за столом спиной к художнику и что-то энергично писал.

– С обратной стороны картина ещё лучше, – сообщил голос.

– Она двусторонняя?

– Как полновесная золотая монета: аверс, реверс, все дела...

Меч закрыл глаза и задремал.

– Клопицкий!! – со всей мочи закричала девушка, надеясь исключительно на чудо.

И чудо случилось.

– Иду, иду, чего орать? – Хозяин особняка вышел из-под лестницы, за которой скрывалась ещё одна, незамеченная Лисс дверь, и поинтересовался: – Я тебя знаю?

– Достаточно того, что я знаю о тебе.

– То есть ты не договаривалась о встрече?

– Ты бы отказал.

– Почему?

– В последнее время ты всем отказываешь.

– Кто тебе сказал?

– Весь Город об этом знает. Ведёшь себя так, словно ты же умер.

Лисс не была уверена, что ловко ввернула в разговор любимую присказку Клопицкого, но тот улыбнулся:

– Приехала за заказом? Давай квитанцию.

Клиентов у Лёни было не очень много, но он всё равно их не забывал: договаривался и выписывал квитанцию, по которой потом и находил нужный артефакт среди бесчисленного множества засоряющих особняк магических устройств.

Тыжеумер считался эталонным артефактором. Он не владел магией, но гениально создавал магические устройства любой сложности, и разгадать его феномен не получилось даже у князя Тёмного Двора. Однако обратной стороной гениальности Клопицкого была легкая расслабленность, плавно переходящая в тяжелую рассеянность и хроническое разгильдяйство, из-за чего путешествие по его дому без сопро-

вождения было сопряжено с серьёзной опасностью для жизни.

Второй уникальной особенностью Лёни были многочисленные и крайне разнообразные предки, среди которых можно было отыскать представителей абсолютно всех способных к смешению рас. Клопицкий считал себя челом, но в его крови присутствовали и люды, и шасы, и чуды, и эрлийцы, и много кто еще. «Коктейль» приводил в изумление даже видавших виды жителей Города, и считалось, что гениальность Тыжеумера обусловлена именно им.

– Я приехала поговорить.

– Если ты знаешь, что я не работаю, о чём собралась говорить?

– О том, почему ты не работаешь.

– Настроения нет. – Клопицкий посмотрел на свой портрет, вздохнул и сообщил: – Скоро зима.

Оспаривать это заявление девушка не стала.

– Зачем ты принесла сюда мою любимую картину?

– Хотела украсть.

– Она зачарована от кражи. Из дома её не вынести.

– А в мусорном ведре?

– Гм... об этом я не подумал. – Лёня почесал за ухом и неожиданно выдал: – Пожалуй, ты мне нравишься.

– Меня зовут Лиссет Кумар, – мгновенно сообщила девушка, поняв, что пора брать быка за рога.

– Ну, то, что ты Кумар, было очевидно, – произнёс знако-

МЫЙ ГОЛОС.

Лисс вздрогнула – она успела забыть о существовании невидимки, а через мгновение вздрогнула ещё раз – на плечо Тыжеумера плавно опустился крупный белый попугай.

– Почему не Томба? – спросил у него Лёня.

– Сам посуди, какая она Томба? – Попугай удивлённо покосился на Клопицкого и принялся чистить клювом грудь. Но прервался, поднял голову и добавил: – И не Хамзи тоже.

Лисс тихонько вздохнула.

– Он хочет сказать, что ты – шаса, и это всем очевидно, – произнёс Тыжеумер.

– Я хотел сказать то, что сказал, – обиженно проворчала птица.

– Тоже артефакт? – ехидно осведомилась девушка.

– Ты ещё скажи – чучело, – хмыкнул Клопицкий.

– В моей картине мира чучелом является всё, что не покрыто перьями, – гордо заявил попугай.

– Заткнись.

– Сам заткнись.

– Вы всегда так общаетесь?

– Привыкай, – посоветовал Клопицкий.

– Привыкай, – посоветовала птица.

– Зачем? – удивилась Лисс.

– Ты ведь к нам пришла, значит, тебе что-то нужно. А раз тебе что-то нужно – ты не уйдёшь. А значит, привыкай к тому, как мы тут общаемся.

Попугай подумал и поднял хохол, подтверждая слова хозяина.

– Зачем привыкать? – не поняла девушка.

– Затем, что мы не станем общаться иначе.

– Почему?

– Не видим необходимости, – сообщил попугай. – Кстати, ты не попросила меня представиться.

– А должна была?

– Тебя не учили хорошим манерам?

– Меня? – возмутилась Лисс. – Разве это я пряталась под мороком и шутила шутки с одинокой несчастной девушкой?

– Это ты несчастная?! Ты на себя в зеркало посмотри: лыбишься в тридцать два зуба и круги под глазами!

– Не твоё дело! – Лисс слегка порозовела и бросила взгляд на Тыжеумера.

– Раньше у меня был голем, но он погиб, и теперь мою скуку разгоняет это животное.

– Птица, – поправила Лёню птица.

– Зовут это животное Киви.

– Но я совсем не овощ.

– Постарайся не обращать на него внимания.

– Хозяин – большой шутник, – высказался попугай, внимательно разглядывая Клопицкого, после чего вновь повернул клюв к девушке: – Ты уже уходишь?

– И не подумаю.

– Я плохо тебя довёл?

– Мотай в гнездо, кукушка, нам с твоим хозяином нужно кое-что обсудить.

– Все знают, как выгнать шаса, но никто и никогда не применял своё знание на практике, – задумчиво протянул Тыжеумер.

– Да, она мне тоже, пожалуй, нравится, – сообщила ему птица. – До добра она нас точно не доведёт.

– Откуда у нас добро?

– Тоже верно.

Клопицкий кивнул девушке, показывая, что нужно следовать за ним, повернулся и прошёл в первую дверь направо, за которой оказалась не очень большая, но уютная гостиная, стены которой были обшиты потемневшими деревянными панелями. А вот с мебелью не задалось: два больших кресла и журнальный столик между ними. Пока Лёня и Лисс располагались, Киви слетал в прихожую, принёс портрет и вернул на положенное место.

– Ты здесь хмуришься, – сказала девушка, разглядывая спину нарисованного артефактора.

– Просто задумался, – махнул рукой Клопицкий. После чего закинул ногу на ногу и предложил: – Рассказывай, Лиссет Кумар, какого Спящего ты ко мне притащилась?

– К нам, – добавил Киви, пархающий напротив картины – ему казалось, что портрет повис криво.

– Друзья называют меня Лисс, – сообщила девушка, косо взглянув на птицу.

– Тебе очень далеко до статуса моего друга, Лиссет Кумар, – с улыбкой произнёс Тыжеумер. – Может, лет через четыреста.

– Ты столько не проживёшь.

– Ты тоже.

– Тогда зачем ты об этом говоришь?

– А о чём ещё говорить в это время суток? – Клопицкий тоже повернулся к попугаю: – Киви! У тебя в этой жизни всего одна обязанность! А ты умудряешься её не исполнять.

– Я занимаюсь искусством! – попыталась отговориться птица, но не вышло.

– Быстро!

Девушка в оттенках голоса Клопицкого пока не разобралась, ей показалось, что короткое слово произнесено хоть и отрывисто, но обыденно, однако попугай чирикнул что-то невнятное и стремительно вылетел из гостиной.

– Так он всё-таки управляет, – прокомментировала происходящее Лисс.

Однако Лёня, к некоторому удивлению девушки, не поддержал шутку.

– Тебе нужны артефакты? Боюсь, выбор невелик, но что-нибудь подберёшь обязательно.

– Мне нужны артефакты на заказ, – спокойно ответила девушка.

– Не делаю.

– Что?

– Что слышала, Лиссет Кумар: магазин закрылся, распро-
даём остатки.

– Что случилось?

– Экономическая ситуация.

– Экономическая или политическая?

– Твой кофе! – недовольно произнёс вернувшийся Киви.

Тыжеумер взял из лап попугая большую кружку, с насла-
ждением втянул кофейный аромат и сделал маленький глот-
ток.

– Я не хочу, спасибо. – Девушка выразительно посмотре-
ла на артефактора, но смутить не сумела и угощения не до-
ждалась.

– Не знаю, чему тебя учили в школе, Лиссет Кумар, –
неспешно произнёс Клопицкий, – но для производства ар-
тефактов необходима магическая энергия, а с ней в Тайном
Городе возникли проблемы.

– Какая энергия тебе нужна?

– Зелёная.

– Колодец Дождей работает в обычном режиме.

– Может, и так, но в свободную продажу поступает очень
мало магической энергии.

– Создают дефицит, чтобы поднять цену? – понимающе
кивнула девушка.

Тыжеумер замер, потом переглянулся с попугаем и расхо-
хотался:

– Истинная шаса!

– Что не так? – нахмурилась Лисс.

– Всё не так. – Клопицкий вновь стал серьёзен. – Консула не интересуется прибылью – только власть. Ограничивая поставки энергии, он, с одной стороны, подрезает крылья недозволенным, снижая потенциальную угрозу. С другой – накапливает ресурсы для схватки с тёмными.

– А вот у тёмных другая стратегия, – заметила девушка.

– Тёмные заперлись в Цитадели и не высовываются.

– Это не стратегия, а способ выживания, – добавил попугай.

– Но их «батарейки» бесплатно появляются на улицах и доступны всем желающим без ограничения.

– Тёмные подкармливают подданных, – пожал плечами Лёня.

– Это не стратегия, а способ выживания.

– Только что говорил, – грубовато сказала Лисс.

– Хорошую фразу можно и повторить.

– Вот и повторил бы – какую-нибудь хорошую.

– Для тебя и эта сойдёт.

– Тихо! – непонятно кому велел Тыжеумер, хлебнул кофе и поставил кружку на столик. – Чего ты хочешь?

– У меня есть энергия.

– Это я уже понял, тёмная.

– Я думаю, скоро на улицах начнут появляться не только «батарейки», но и готовые артефакты. Бесплатный привет из Цитадели.

– Думаешь или ты знаешь?

– Предполагаю.

– Я тоже, – помолчав, признался Клопицкий.

– Не зря она нам понравилась, – пробубнил попугай.

– Она симпатичная, но не в моём вкусе.

– Следи за языком. – Не то чтобы девушка хотела пококетничать с Лёней, но выслушивать его мнение на свой счёт не собиралась.

– Я предупреждал, что ты должна привыкнуть к моей манере общения.

– Я ничего никому не должна. – Лисс помолчала, не услышала возражений и продолжила: – Так вот. Рано или поздно тёмные начнут выбрасывать на улицы артефакты. Но не боевые.

– Согласен.

– Поэтому я у тебя.

– Нет, – коротко, но жёстко ответил Тыжеумер.

– Почему?

– Не хочу привлекать к себе внимание Внутренней Агенты. Сейчас у нас замечательно выстроенное сосуществование: они занимаются своими делами, я – своими, и мы не пересекаемся.

– Ты всё равно на карандаше.

– Но не на прицеле.

– С этим не поспоришь.

– Теперь ты понимаешь мою позицию.

– Нет, не понимаю.

– Доводилось жить под прицелом?

Лисс помялась, но решила ответить честно:

– Нет.

– А мне доводилось, – спокойно рассказал Тыжеумер. –

Больше не хочу.

Девушка вздохнула и подумала, что кофе, пожалуй, лиш-
ний. А вот немного алкоголя сейчас не помешало бы.

– Я понимаю, зачем ты пришла, Лиссет Кумар, – разме-
ренно продолжил Клопицкий. – Но я не понимаю, почему ты
пришла, Лиссет Кумар? Ты не сильный маг, ведь так?

– Довольно слабый.

– Твои родители?

– Не маги вообще.

– Печально, – прокомментировал Киви.

– Вы безопасны для Альянса... и до тех пор, пока не ста-
нете открывать рот и призывать к свержению Консула, абсо-
лютно неинтересны Внутренней Агеме. Самое для тебя ра-
зумное – спокойной жить и тихо ждать, чем всё закончится.
Разве не так?

– Так, – едва слышно прошептала покрасневшая девушка.

– Это не в упрёк. Это логика. – Клопицкий выдержал пау-
зу. – Так почему же ты пришла?

– Я хочу хоть что-нибудь сделать, – почти беззвучно, но
необычайно твёрдо ответила Лисс. И посмотрела Тыжеуме-
ру в глаза: – Я. Хочу. Сделать.

Она думала, что произвела впечатление, но услышала почти равнодушное:

– Иди и делай.

– Хочу, чтобы ты меня научил.

– Чему?

– Создавать артефакты.

– То есть делать буду я?

– Нет, – покачала головой Лисс. – Делать буду я. У тебя ведь нет энергии, помнишь? Ты просто будешь давать советы, а я – пользуясь ими – создавать артефакты. У нас получится отличная команда.

– О каких артефактах идёт речь?

– О боевых, – без колебаний ответила девушка.

– Красавица собралась на войну, – прокомментировал её слова Киви.

Но без иронии – Лисс стала различать интонации попугая.

– Если об этом узнают, меня убьют.

– И что?

– Я умру, – уточнил Клопицкий.

– А сейчас ты не умираешь? – неожиданно поинтересовалась девушка. – Ты лишён возможности заниматься любимым делом.

– Это просто бизнес.

– Я не знаю, кому ты сейчас врёшь – мне или себе. Но если мне, то напрасно.

Лёня поджал губы, покрутил в руке кружку, сделал глоток

и недовольно бросил:

– Кофе остыл!

Попугай промолчал.

– Лети, помой кружку.

– Я хочу дослушать.

– Потом дослушаешь.

Киви поднял хохол, но и только – молча подхватил кружку и захлопал крыльями.

– Что лично тебе сделал Альянс, Лиссет Кумар? Какая лично тебе разница, кто правит в Городе?

И что отвечать? А главное... какая ей действительно разница? Почему ей вдруг стало важно, что теперь приказы отдаёт кто-то другой? Не привычные владыки, а новый Консул. Почему она возмущается?

И ответ неожиданно нашёлся:

– Когда менялась власть – меня не спросили.

– Раньше тебя тоже не особенно спрашивали, – пожал плечами Клопицкий. – Королеву и великого магистра избирает узкий круг высших магов из узкого круга высших магов. Я уж молчу о князе Тёмного Двора, который вообще непонятно как оказался на престоле. И неизвестно когда. Ты просто привыкла к существующему порядку вещей и...

– И раз уж его решили поменять – нужно было меня спросить.

– У тебя необычно раздутое эго.

– Это называется гордостью. И самоуважением.

– А как насчёт желанья жить?

– Я намного моложе тебя, Клопицкий, – улыбнулась Лисс. – Если нас поймают, я потеряю больше.

– Чем меньше лет остаётся, тем выше ценность каждого года, – медленно ответил Тыжеумер. – И даже каждого дня.

– Всё-таки струсил?

– Почему ты не можешь признать существование другого мотива? Может, я просто не хочу брать тебя в ученицы.

– Люблю называть вещи своими именами.

– Правда? – поднял брови Клопицкий.

– В таких разговорах, – уточнила девушка.

– Ну, хорошо, давай называть вещи своими именами... –

Он неожиданно поднялся на ноги. – Пойдём.

– Куда?

– Не волнуйся, недалеко.

– На всякий случай хочу предупредить, что мои родители знают, куда я пошла, – как бы в шутку произнесла Лисс.

Но поднялась и двинулась за артефактором.

– Не знают, – лёгким тоном отозвался Тыжеумер.

– Откуда ты знаешь?

– Они бы тебя не пустили. – Клопицкий с трудом открывал тяжеленную, жутко скрипящую дверь. – А заодно выпороли бы и заперли в доме на пару месяцев.

– Ты бы поступил так?

– У меня, к счастью, нет детей.

– К счастью для детей.

– Дети всегда хотят больше, чем могут получить.

– И получают?

– Не всегда.

– Терпеть не могу подвалы, – сообщил подлётевший Киви.

– Тебя никто не зовёт.

– Конечно, – проворчал попугай и первым влетел в открывшуюся дверь.

За которой оказалась крутая каменная лестница из двадцати ступенек, приведшая их в сводчатый, выложенный кирпичом подвал.

По лестнице пришлось спускаться на ощупь, в слабом свете, проникающем из проёма незакрытой двери. Внизу же, после того как Лёня щёлкнул выключателем, девушка увидела ещё одну дверь, тоже металлическую, почувствовала работающий артефакт и поняла, что за этой преградой скрывается нечто...

– Ты всё ещё можешь уйти, – тихо сказал Тыжеумер.

– Что за дверью? – так же тихо спросила Лисс.

– Вступительный экзамен.

– Плата за обучение?

– Разве я так сказал?

Лисс тщательно обдумала слова хозяина особняка и повторила:

– Что за дверью?

Клопицкий прочитал заклинание, отключил охранные артефакты и набрал код на экране электронного замка. Дверь

едва заметно шевельнулась, и Лисс поняла, что открыть её теперь легко – достаточно несильно толкнуть. Но Лёня не торопился.

– Шасы никогда не носят оружие...

– Мы против насилия.

– ...но при этом продают оружие.

– Это всего лишь бизнес.

– Всего лишь бизнес, – повторил Клопицкий. – Вы говорите, что продажа оружия – «всего лишь бизнес», и считаете, что кровь, пролитая проданным оружием, не падает на вас.

Семья Лисс не занималась торговлей, Фахир и целая шеренга его предков специализировались на юриспруденции, но девушка была шасой и знала правильный ответ:

– Мы даём клиентам то, что им нужно.

– И ты собираешься действовать в привычной парадигме. – Голос Клопицкого стал неожиданно мягок. – Ты станешь моей ученицей и начнёшь создавать артефакты для своих молодых сверстников – энергичных и романтичных, у которых нет принципиального семейного отвращения к насилию и которые не понимают, что могут потерять, начав играть в эти игры.

– Если Внутренняя Агема меня возьмёт, я буду наказана наравне со всеми.

– Безусловно, – согласился Тыжеумер.

– Я рискую так же, как те ребята, которым предназначены артефакты.

– Разумеется.

– В таком случае о каком вступительном экзамене идёт речь?

– О важном.

Клопицкий толкнул дверь и предложил девушке войти первой. Лисс колебалась недолго, поняла, что не будет ни злой шутки, ни угрозы. Поняла, что будет нечто похуже, но всё равно вошла и вздрогнула, увидев сидящего в стеклянном кубе вампира. Уродливого коротышку с большими ушами и глазами навывкате. Судя по тому, что из-под его тонких губ торчали *иглы*, вампир испытывал сводящую с ума *жажду*.

– Этого дикого кровососа я поймал во время большой атаки вампиров на Москву, – рассказал Лёня. Он остановился позади девушки, прислонился спиной к стене и сложил на груди руки. Киви устроился на левом плече хозяина и молчал, не желая влезать в серьёзный разговор. – Вампир очень голоден, поскольку я не мог... да и не собирался его кормить, если честно. Я говорю, чтобы ты поняла: вампир умирает.

Кровосос ощерился, показав торчащие *иглы* во всей красе, и Лисс увидела в его глазах безумие. До смерти вампиру было далеко, а вот сумасшествие подступало, и скоро, очень скоро он начнёт грызть себя.

Ночных охотников в Городе не любили. Боялись, конечно, зная, что между собой вампиры называют остальных разумных *пищей*, но справляться с ними умели. И не любили. Но

сейчас, увидев безнадежно запертого кровососа, Лисс ощутила нечто вроде... Да нет, к чему скрывать? Лисс ощутила самую настоящую жалость.

А может – жалость к себе, поскольку догадалась, зачем Клопицкий привёл её в подвал.

– Ты хочешь создавать для своих друзей боевые артефакты, которыми они будут сражаться и проливать кровь – свою и чужую. Ты готова принять кару Альянса – если тебя поймают, но я хочу, чтобы ты узнала, что значит проливать кровь.

– Зачем? – прошептала Лисс.

– Чтобы быть со своими друзьями на равных, – объяснил Тыжеумер. – С теми, кого ты отправишь убивать. И, возможно, умирать.

– А если я откажусь?

– Ты провалишь вступительный экзамен.

На глазах Лисс выступили слёзы, но она не пыталась разжалобить Клопицкого – понимала, что бесполезно. Она просто растерялась. Направляясь в подвал, девушка почему-то решила, что сумела убедить Тыжеумера помочь, что замысел удался, и «вступительный экзамен» стал для неё настоящим шоком.

– Ты ведь знаешь, что солнечный свет губителен для вампиров? – Ответа Лёня не ждал. – Если посмотришь на потолок, то увидишь, что на моего пленника направлены три мощные лампы. Сейчас – выключенные. – Пауза. – Это «протуберанцы», артефакты, дающие поток настоящего солнеч-

ного света. Три лампы такой мощности расплавят кровососа меньше чем за минуту. Будет грязно, конечно, но у меня есть хороший голем-уборщик.

– Я не могу, – выдохнула девушка.

– Тебе даже не придётся читать активирующее заклинание – как твоим друзьям с артефактами. Достаточно надавить на клавишу включателя.

– Почему ты так жесток со мной?

– Ты знаешь почему, – очень ровным голосом ответил Клопицкий. На девушку он не смотрел – только на кровососа. – Ты собралась на войну, но хочешь остаться чистой. Я считаю, что это неправильная позиция, Лиссет Кумар. Извини.

Не разжалобить. Не уговорить. Решение принято, и решение не спонтанное – принципиальное. Можно, конечно, обратиться к другому артефактору, но у Клопицкого было два неоспоримых преимущества: хорошо оборудованная база и независимость – Лисс точно знала, что Лёня не связан с Альянсом. Два этих факта вкупе с гениальностью Тыжеумера превращали его в идеального учителя. Который выставил неприемлемое условие.

– Я тебя ненавижу, – устало сказала девушка. – Почему ты сразу не сказал о «вступительном экзамене»? Ты ведь с самого начала знал, зачем я приехала. И с самого начала знал, что потребуешь взамен.

Клопицкий промолчал.

– Я помню, где выход.

Лёня кивнул, но смотреть на девушку вновь не стал – продолжил разглядывать едва живого вампира. И улыбнулся, слушая, как быстро стучат каблуки по каменным ступеням.

* * *

Книжный магазин Генбека Хамзи

Москва, улица Арбат

Володе Бри ничего не сказала.

Да и не могла сказать, поскольку парень ничего не знал о Городе и признание «Дорогой, дедушка оставил мне в наследство колдовской гримуар» повергло бы его в ступор. Выйдя из которого он бы наверняка предложил подруге навестить психиатра.

Прагматичные современники уверены в принципиальной невозможности колдовства, волшебства, магии и списывают проявления необычного на совпадения и случайности. Верят в интуицию, но отказываются соглашаться с тем, что интуицию можно развивать и усиливать, а случайности – систематизировать, накапливая статистику и выявляя закономерности. Признают существование творческих способностей, но не могут представить, что кому-то дано не слышать музыку – до того, как симфония будет написана, не видеть здание – до того, как оно утвердится в камне, а управлять энергией, которую ещё не знает официальная наука, и с её помощью

вносить изменения в мир. Управляться с энергией, которую в Городе называли магической.

Разумеется, оказавшись в Тайном Городе, своими глазами увидев, что могут маги, руками пощупав то, что могут маги, и, убедившись, что это не сон, скептики меняли точку зрения, но в Город ещё нужно попасть, что получалось далеко не у всех.

Володя способностями к магии не обладал, мужем Бри пока не приходился, а потому его посвящение в древние московские тайны Служба утилизации могла расценить как преднамеренное и очень грубое нарушение режима секретности. Со всеми вытекающими последствиями...

Поэтому девушка замотала футляр с книгой в непрозрачный пакет, спрятала в свой рюкзак, замаскировав сверху одеждой, и вернулась в спальню.

Следующий день прошёл именно так, как они хотели...

Ну, то есть подыматься в шесть утра то ещё испытание для уснувших под утро влюблённых, зато дальше приключилась настоящая романтическая сказка: по тропинке с высокого берега вниз, к воде, ёжась от прохлады и возбуждения. Добежать до заводи, скинуть одежду и нырнуть... и рассмеяться, плескаясь и дурачась... целоваться, как никогда... ласкать друг друга прикосновениями... и заняться любовью в воде, словно прячась в реке от всех и даже – от самого мира... Потом вернуться, любясь приближающимся домом, выпить первый утренний кофе и просто посидеть на веранде,

поглядывая на реку и ведя неспешную беседу... потом отправиться загорать на утреннем солнышке и подремать, добрая недобранный ночью сон...

День получился настолько восхитительным, что возвращение в Москву не вызвало привычной грусти – слишком хорошее настроение владело ими и по дороге, и дома.

Утром Володя отправился в университет, взяв с девушки слово «обязательно подумать и до вечера решить насчёт поездки в Питер – отказа я не приму!». Проводив его, Бри достала из рюкзака футляр с книгой, собираясь переложить его в дальний шкаф, но, зайдя в комнату, остановилась, в очередной раз вспомнив слова деда:

«Знания – это самое важное и самое страшное, что есть на свете...»

И поняла, что руководители Альянса хорошо знакомы с этой максимой. Современные разработки и разработчики находятся под их полным контролем, что же касается мудрости древних, например заложенной в старинную рукописную книгу, то до неё ещё нужно добраться... И главной проблемой, безусловно, является язык. Маги, жившие и творившие сотни, а то и тысячи лет назад, русским не владели и книги писали на тех языках, на которых говорили. Для расшифровки их записей требовались особые и весьма редкие артефакты – «толмачи», владельцев которых наверняка заинтересует, для чего юной полукровке, унаследовавшей от отца эрлийский талант к врачеванию, но весьма посредственные

магические способности, понадобился переводчик с древнего языка. Отвечать на этот вопрос Бри не хотелось, однако без «толмача» её книга являла собой всего лишь старый том в сдержанной, но при этом – очень красивой обложке. Поэтому «толмач» требовалось раздобыть во что бы то ни стало.

Вопрос заключался лишь в том, к кому обратиться?
И не ошибиться в выборе...

Рассказывая маленькой Бри о ценности знаний, старый эрлиец не изобретал велосипед, а излагал то, что жители Города познали на собственной шкуре. Десятки катаклизмов за тысячи лет, войны и революции, стихийные бедствия и жесточайшие эпидемии – они видели всё и твёрдо знали, что возможны – возможны! – случаи, когда придётся начинать с начала: строить дома и общество, по кирпичику выстраивать новую версию цивилизации, достигая утерянного положения и комфорта. Они видели, как богатство обращается в пыль, а знания и умения позволяют вернуть его и преумножить. И потому всегда – всегда! – в первую очередь вытаскивали из огня книги.

При этом в Тайном Городе понимали и опасность знаний, прекрасно знали об обратной стороне могущества и делали всё, чтобы сохранить опасные заклинания в тайне. Обшир-

ные хранилища Великих Домов – самые большие библиотеки и архивы древних знаний – находились в свободном доступе чуть больше чем на треть. И, разумеется, открыты были только жителям Города. Книжные собрания Великих Домов были столь огромны, что даже маленькая часть их являла собой коллекцию бесценных знаний, посетителям библиотек предлагались все возможные услуги, включая «толмачи» с нужных языков и наречий, но Бри сильно сомневалась, что сможет арендовать в Великом Доме нужный «переводчик», чтобы изучить собственную книгу.

Оставались частные собрания, в которых Тайный Город также не испытывал недостатка.

Поскольку книги традиционно считались одной из главных ценностей, их коллекционирование было не только уважаемым и престижным занятием, но приносило существенный доход, мимо которого не могли пройти выходцы из одного весьма энергичного народа... Хороших книжных собраний в Городе было достаточно, однако лучшим из них считалась библиотека Генбека Хамзи, владельца небольшого – на первый взгляд – магазина на Старом Арбате. Антиквариат, который старый Генбек выставлял на всеобщее обозрение в витринах торгового зала, поражал воображение знатоков, однако то была лишь маскировка для посетителей «с улицы» и «оправдание для налоговой» – основное хранилище Хамзи занимало четыре этажа здания, включая два подвальных, и защищалось на высочайшем уровне даже по мер-

кам Тайного Города. Сейфовые двери, современная сигнализация, а главное – независимые магические сети превращали библиотеку в неприступную крепость, войти в которую можно было лишь через главные ворота.

И желательно – с улыбкой на лице: Генбек любил жизнерадостных посетителей.

– Добрый день, – жизнерадостно произнесла Бри и жизнерадостно улыбнулась стоящему за прилавком старику: – Вы открыты?

– Иначе ты не сумела бы войти, красавица.

– А вы не сумели бы на мне заработать.

– Трагедия, достойная пера Шекспира.

– Шекспир предпочитал писать о любви.

– Что может быть возвышенной любви к деньгам?

Несколько мгновений они смотрели друг на друга – старый шас и эрлийская полукровка, – после чего рассмеялись.

– Марина! Рад тебя видеть. – Генбек всегда называл девушку указанным в паспорте именем, хотя знал, что Бри предпочитает иное. Но то была не вредность... или не только вредность. – Давненько ты не появлялась.

– Лето, каникулы...

Они не стали произносить: «... и смерть родителей», хотя именно так оба мысленно закончили фразу. Закончили, но не произнесли. Весёлым тоном Бри дала понять, что не хочет об этом говорить, старик отнёсся к её желанию с уважением.

– И прочие летние соблазны.

– Не без этого, – не стала отрицать девушка.

– И ты всё такая же красавица.

– Вы мне льстите, Генбек.

– Я слишком стар для этого. Но ты способна пробудить...

разные мысли даже у меня.

Бри благодарно улыбнулась и кивнула.

Она знала, что хороша: среднего роста, не худая, в меру плотная, с женственной фигурой и заметной грудью, она сохраняла спортивную стройность, всегда держалась прямо и потому казалась выше, чем была на самом деле, а надевая каблуки, заставляла многих мужчин тянуться. Густые тёмно-каштановые волосы доходили до лопаток и приятно извивались крупными кудрями, вызывая у сокурсниц жгучую зависть. Лицо чуть более округлое, чем девушке хотелось, зато на нём великолепно смотрелись огромные голубые глаза, которые скорее подошли бы яркой блондинке, чем яркой шатенке, но природа распорядилась иначе, породив необычный и необыкновенно красивый цветок. Завершали картину чувственные, четко вырезанные губы, глядя на которые нельзя было остаться равнодушным.

– Сколько же сердец ты разбила, – покачал головой Генбек.

– Никогда не считала, – рассмеялась в ответ Бри.

– Неинтересно загигать пальцы?

– Не люблю неудачников.

– Можно сказать и так, – одобрил Хамзи.

– Всегда так говорю.

– Но, разбивая сердца, не следует забывать об учёбе.

– Поэтому я здесь, – негромко произнесла девушка, давая понять, что готова перейти к делу.

– Нужны учебники?

– В том числе.

Бри чётко показала, что явилась по очень серьёзному вопросу, и тем вызвала у старика глубокий, полный сожаления вздох.

– Сейчас очень опасные времена, Марина, – тихо сказал Генбек, глядя девушке в глаза.

– Времена всегда непростые, – в тон ему ответила Бри.

– Я сказал «опасные».

– Я слышала.

– В такие времена лучше заниматься учёбой, отвлѣкшись на неё, ты не наделаешь глупостей.

– С чего вы взяли, что я планирую глупости?

– Сейчас многие их творят. – Генбек снова вздохнул. –

Или планируют натворить.

– А что вы подразумеваете под глупостями?

– То, что у тебя на уме.

– Вы не знаете, что у меня на уме. – Бри изо всех сил старалась говорить спокойно, однако в какой-то момент не удержала голос, и последние три слова прозвучали резковато. Впрочем, девушка сгладила выпад улыбкой, что у неё получилось великолепно. – Вы только догадываетесь.

– Может показаться странным, но я тоже был молодым, поэтому не догадываюсь, а точно знаю.

– Вы были чем-то возмущены?

– Скажем так: не полностью доволен.

– И что было дальше? – заинтересовалась Бри, поскольку не слышала, чтобы в Городе случались революции или бунты молодых. Дворцовые перевороты – да, сколько угодно, а вот бунты – табу, особенно – в Тёмном Дворе. – Чем всё закончилось?

– Я поумнел.

Несколько мгновений девушка смотрела на старика, а затем бросила:

– Я догадывалась, что вы ответите именно так!

На этот раз – зло. Отчётливо зло. Но Генбек не обиделся, поскольку прекрасно знал, какую реакцию вызовет его замечание, и неспешно объяснил:

– Я поумнел в том смысле, что осознал значение слова «глупость».

– Сколько времени на это понадобилось?

– Лучше спроси, что мне для этого не понадобилось.

Бри шумно выдохнула, справляясь с эмоциями, кивнула и совсем другим тоном поинтересовалась:

– Что?

– Совершить непоправимое.

Опыт всегда голосует за разум. А юность – за эмоции. Опыт напоминает о том, что жизнь длинна и нет смысла мо-

стить её дорогу ошибками. Но у юности всегда есть правда.

– Разве то, что происходит вокруг, – правильно? – тихо спросила Бри.

Хамзи развёл руками и улыбнулся. Молча.

– Вот видите!

– Я вижу всё, Марина, но твёрдо знаю, что нужно обязательно просчитывать последствия задуманных глупостей.

– Зачем?

– Зачем? – удивился Генбек.

– И это совсем не глупости, – горячо продолжила девушка. – Что глупого в том, чтобы оставаться гордым и требовать уважения к себе? Ведь если мы будем молчать, если будем отводить глаза и покорно принимать происходящее – ничего не изменится!

– Что ты можешь изменить?

– Если все будут так рассуждать – ничего.

– А ты уверена, что сможешь хоть что-то изменить?

– Если все будут так рассуждать – ничего, – повторила

Бри.

Хамзи покачал головой, то ли признавая правоту девушки, то ли укоряя её за горячность и юношеский максимализм, поджал губы, словно намереваясь закончить разговор, но всё-таки не удержался – продолжил:

– В тебе очень много от матери, Марина.

– Это укол? – Бри не ожидала, что Генбек напомнит ей о крови, но сумела не показать, что рассердилась.

– Это констатация факта, – уточнил старик. – Лена была очень хладнокровной, спокойной, но при этом – принципиальной. Твёрдо стояла на своём.

Нет, он не собирался её оскорблять, и девушка чуть ослабилась. И даже улыбнулась – краешками губ.

– Отец тоже не был трусом.

– Я говорю не о трусости, а об уме. В эрлийцах его больше... несмотря на известное занудство.

– Конечно... – начала было Бри, но Генбек не позволил перебить себя.

– И помни главную заповедь своей семьи: эрлийцы всегда в стороне, всегда сохраняют нейтралитет, потому что хорошие врачи нужны всем сторонам конфликта. В этом – залог выживания.

– Нас истребляли с той же жестокостью, что и других тёмных.

Старик едва заметно улыбнулся, услышав «нас». Настолько едва, что девушка не заметила. Улыбнулся, но не прокомментировал, продолжил о своём:

– Альянс не будет шутить. Они хотят насадить свою власть максимально мягко, хотят, чтобы жители Города приняли новые правила добровольно, но поверь: с теми, кто будет активно мешать, Внутренняя Агема церемониться не станет. Всех откровенных врагов убьют не задумываясь – такова логика смены власти. Безжалостная – да, но смена власти никогда не бывает бескровной. Кто-то обязательно умирает.

– Я это понимаю.

– Уверена?

– Абсолютно, – твёрдо сказала Бри. – Я понимаю, но не могу сидеть и ждать, когда Тёмный Двор вернёт всё так, как было раньше. Не могу, потому что не уверена, что у нас всё получится. Они не покидают Цитадель уже несколько недель, а Консул с каждым днём становится сильнее.

– Ты этого не знаешь.

– Я вижу.

– Иногда демонстрация силы является признаком скрываемой слабости.

– Иногда, но не всегда.

– Что ты хочешь сделать? – поменял тему Генбек.

– Это важно? – подняла брови девушка. Рассказывать Хамзи о книге она не собиралась.

– Перефразирую вопрос: что привело тебя в мой магазин?

– Хочу арендовать у вас «толмач».

– Универсальный?

– Расширенный.

– Какой язык тебе нужен?

– Навский и старонавский.

На этот раз Хамзи держал паузу довольно долго, почти минуту. На девушку не смотрел, опустил глаза и барабанил пальцами по столешнице, а затем, по-прежнему не поднимая глаз, пробурчал:

– Такие «толмачи» даже в спокойные времена привлекали

внимание. Тёмный Двор не любит, когда кто-то читает старые книги без его ведома.

– Уверена, когда всё разрешится, Тёмный Двор не будет на меня в обиде.

– Теперь я вижу в тебе не Лену, а деда.

– Спасибо, – кивнула Бри. – У вас есть то, что мне нужно?

– По требованию Внутренней Агемы все «толмачи», в первую очередь – расширенные, сданы на временное хранение. – Девушка издала возглас разочарования. А старик не удержался от привычной колкости: – Я всегда говорил, что нужно учить языки, а не полагаться на устройства. Даже на магические.

– Скажите, – помолчав, произнесла Бри, – если я предложу удвоенную арендную плату за «толмач»...

И замерла, поскольку старик поднял руку.

– Вопрос не в деньгах, Марина. Вопрос в том, что я очень любил твоего деда – он был не только моим врачом, но надёжным другом, и поэтому я очень люблю тебя – поскольку он тебя любил. И я не хочу, чтобы его род прервался.

Бри понимала, что Хамзи с ней честен. И ещё понимала, что «толмач» у него есть. И ещё – что судьба даёт ей шанс остановиться. Объяснить себе, что перевести текст не удастся, расслабиться и просто ждать, чем всё закончится.

– Я не могу на это смотреть, Генбек, – очень тихо и очень-очень искренне сказала девушка, и звук её голоса заставил сердце старика сжаться. – Они убили маму – на моих глазах –

и должны заплатить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.